

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТ И ФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 7

Новополоцк
ПГУ
2017

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

ПОЭЗИЯ

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА

Я сказала б Скарыне стагоддзяў праз пяць,
Што мы мусім штодзённа пра лепшае дбаць
Ды традыцыі памятаць – і праз гады
Да вытокаў, у Полацк, вяртацца сюды...
Плачам, верым, кахаем – як можам жывём,
За плячыма крыж мулкі ўпарта нясём.
Беларуса ў гісторыі лёс не бярог –
Шлях наверх вызначае спрадвеку нам Бог!

Я люблю гэты горад, бо ў ім жывеш ты,
Горад, дзе раздзвігаюць у поўнач масты.
У ім белыя ночы і ясныя дні,
Там калісьці з табой застанемся адны.
У ім надзея на шчасце і прывідны рай,
Гэта воляй нябёсаў аздоблены край.
Тут гісторыя з вечнасцю шэпчацца ўлад,
Над Нявой расцілаецца ўздоўж далягляд.
Я прыеду здалёк – і сыйдуцца масты,
Бо спаткання са мной зачакаўся ўжо ты...

Там, дзе анёл ўзмахвае крылом,
Дзе чысціня стагоддзяў засынае,
Сваім таемным, прывідным святлом
Душу каханне шчыра ахінае.

Варожыць бесклапотнасць, дабрабыт,
Пяшчоту дня і ўтрапенне ночы,
Даводзіць, што жыццём не будзеш біт,
Калі ты моцна гэтага захочаш.

Уздызеш на Алімп і на Парнас
Ды скорыш ўсе вяршыні без аглядак;
Свой вокамгненна апярэдзіш час,
Усталяваўшы на зямлі парадак.

Каханне – рухавік імклівых дзён –
Нясе цягнік няўрымслівых жаданняў;
Вагоны не памкнуцца пад адхон,
Пакуль ён поўны дум і спадзяванняў!

Я адчыніла дзверы храма,
Бы ля апошнія мяжы...
Перада мной паўстала драма
Таго, хто ўпарта на крыжы
Цярпеў, да болю вусны сцяўшы.
Крывавы пот сціраў з ілба
І, члены кволя напяўшы,
Шаптаў упарта служкам зла:
«Даруй жа дзецям неразумным!
Прабач. Ратуй ды захавай!
У свеце, прывідным і тлумным,
Са шляху збочыць ім не дай!»
За што цяргеў Хрыстос распяты?
І нам за што сказаў цярець?
За шчырасць і любоў адплата,
Каб болей клопату не мець!
Хто да астатніх не падобны,
Хто ад нягодаў звар'яцеў –
У агні згарае непадробным,
Як бы ён выжыць ні хацеў!
Дык што ж, распніце – гэта плата
За тое, каб свабоду мець.
Мая душа даўно распята –
Прыйшлі на цела паглядзець?

Другі раманс Маргарыты

Пасля наведвання музея-кватэры М.Булгакава ў Маскве

Той бязмежнай ноччу – утрапёнаю ружай –
Утрапёнаю ружай у бязмежнай начы
Я ствараю радкі, дотык вуснаў адчуўшы,
Шапаценне журботы сплятаю клубкамі,
І палохаю неба абцасаў цвікамі.

І дзівяцца грывоты такой летуценцы:
У сінечай – з карцін Бацічэлі – сукенцы.
І, квітнеючы спеўна, цябе я чакаю,
Бо цябе я кахаю, цябе я кахаю,

Бо прымоіўся ў сне гэты лёд адзічэння
І булгакаўскі дом у грамнічным свячэнні...
Падыму я свой келіх за наша спатканне,
За раскошу сустрэч у запале кахання.

Ты той самы, пакуль з маркотай
Спасцігаеш жыцця сухоты,
Цыгарэты, і крык, і оды,
Паражэнняў маіх віно?

За якія табе правіны?
Можа, хочаш рачную ціну
Разграбаць рукамі, ну, відна,
Каб убачыць чыстае дно?

Ад Рэмарка да Муракамі
Точаць хвалі ізноў стараннем
І напругаю – кожны камень,
Неадольна чуючы: я

Незгаворлівая – ад гора,
Але ў гэтым наровістым моры
У тваім стамленні – паўторы.
Я з табой. І ўжо – твая.

Такое са мной вычварэнства –
з малу, а можа з шаленства!
я прапаноўваю лепшыя туры:
у Гандурасы ці Сінгапуры.
ты адкажы мне як ёсць!
ці Я твая мара і жарсць?
ці я ўжо зусім паслухмяная –
як новая сукня крамяная?
можа табе трэба згода?
як на курорце “па воды”?
каб тваё цела хацела
смаку і паху гатэляў,
каб было ўлічана “усё”
шчасце, каханне, жыццё?
я запланую ўсё цалкам,
зорка твая, Наталка.

Абдыме мяне восень крыламі пажухлай лістоты...
Дзе жа ты быў, хто твой Бог – і хто ты?
Мне бы ўзвышша, горы, рака і вярба...
І паміж дрэваў пачуць твае рэха. Журба
Дакранаецца, точыць карэннямі душу.
Я не згублюся – нарэшце пабачыла сушу.
А з ручая, нібы вецер паўночны, вада
Салодка ліецца... І мой глыток нібы скерца
Бянтэжыць і прагне патрапіць у сэрца,
Якое сагрэецца ўрэшце. Ты цяплыня –
І паміж плыняў жыцця – Сцікса ці Дуная –
Я праз стагоддзі, каханы, буду заўсёды твая.

Над сэрцам краіны

Зноў праз глыбокія снягі,
 Далей ад берагоў тугі
 Мой доўгі з цемналесся шлях,
 Праявіць смутак у вачах.

Цяжэй, чым глыбы на раллі,
 Ёсць думкі, што не адляглі,
 Нібы парогі ў руслах рэк,
 Вады затрымліваюць бег.

Няўлоўны адыход зімы,
 Вясновыя маўчаць званы.
 Ёсць ж стан змяняецца душы,
 Бо сакавік заварыў.

І змрочна-шэры небасхіл,
 Мне час для роздуму прывіў.
 Каб з багны меч стагоддзяў узяць,
 З мінулым сувязь каб з'яднаць.

Стаю з абуджанай вясной,
 Зноў пагляджу ў вочы ёй.
 І шлях мой да крыніц душы
 Амыюць шчырасцю дажджы.

Першакветка

Толькі праб'ецца гуллівы цурок,
 Сцежку вясновую зноў адымае.
 Кропля на твар упадзе незнарок,
 Страты з палёгкай забудзеш свае.
 І са снягоў узбярэжных такіх,
 Бы дзяўчанятка, збягае вясна.
 Толькі павольны і радасны ўздых –
 Ёсць хованкі будзе гуляць дапазна.
 Згортвае сны яе ранішні спеў,
 Шчасце чаргова гадзіннік праб'е.
 З'явіцца – і ў таямнічасці дрэў
 Першаю кветкай сустрэне цябе.

Дзвінскія рубяжы

Чаканне ізноў на замерзлым пероне,
 Адбіткі на ім пакідаў я бясконца.
 Нібыта сцэнарый штодзённай пагоні,
 Святлом памаранцавым ззяе ваконца.

Вагоны даўгія пакоцяцца жвава,
 З далёкіх мясцін – узбярэжжаў балтыйскіх.
 Нібыта так лёсам накіравана,
 На цягніках... Прачынацца ў Мінску.

Нясецца ўпоцемку, згодна раскладу,
 За вокнамі – калейдаскоп беларускі.
 Кароткае сьненне, у роздумах здрады,
 Жыццёвы абшар і нявольны, і вузкі.

І вось прыбыццё, і дажджы з мітуснёю.
 Расклад – цягнікам, а людзям... невядома.
 І што прыцягнем праз гады за сабою –
 Душы сузіранне, ці лаянку грамам.

Ластаўка

Погляд стомлены. Без промняў
 Льдзісты покрыв, здань тугі,
 Ды на скон сняжыстай воўны
 Думкі кроплямі ляглі.

Толькі ластаўкі вяртаньне
 У прадчуванні маім зноў.
 І ўсьмешка на сьвітанняні
 Першай будзе пасля сноў.

Надыход вясны заўчаснай
 Закране да глыбіні.
 Нібы з ластаўкаю шчасце
 Дакранеца з вышыні.

Можа быць змагу разгледзець
 У ейным сэрцы трапяткім
 Тую будучую квецень,
 Што ня будзе сном маім.

Шыфроўкі вясны

Крыгі расталі, а з імі сумневы,
Зьніклі ў бездані, страцілі моц.
І незнарок прадчувалі – сустрэне,
Верне для нас цеплыню, весялосьць.

Погляд на зоры, ды словы малітвы,
У гэтым яднаньне, збавеньне жыве.
З імі далоньняў тваіх аксамітам
Роздумы зноў насычаю свае.

У безліччы цудаў штодзёных, нябачных,
З ласкаю Творцы дасланыя нам
Час, нібы птушка нястомная танчыць...
Душы, што ня сьпіць, асьвячаецца храм.

Ветрык раскіне валосьсе хваліста
І кветку ўпляце ў твае валасы.
І ў позірках нашых лагодных празрыстых
Бяз слоў разгадаем шыфроўкі вясны.

Душа не ірвецца ў вырай,
Трапляе пад лісьця струмені.
Над ёй мітусяцца цені,
Зацягваюць смецця дзіры.

Цень згінуўшых – цяжкія страты.
Ўзбагацілі тоўшчаю глебы
Тых розумаў чорных патрэбы,
Што стогнуць з зямлі Курапатаў.

Смутац нязначных адзінак –
Варты не кожны забіты,
З бронзы шмат “дошак” адліта,
Іншы ўнутры ўспамінак.

Гадзіннік б’е аднагучна...
Мы ўзброены толькі словам,
Гнеў цісне свінцова,
Але выракае штучнасьць.

Блукаем з восеньскім дарам,
Узяўшы за рукі Феміду,
Між “ідалаў” трэндаў агідных,
Праз немезідавы чары.

У горане студзенскіх павеваў

Усхліпвае ў павевах халаднеча,
І кузню распякае ў грудзях,
Бо студзень там запальвае агеньчык,
Няўрокам, мігатліва, загадзя.
Адораны світанкавай усмешкай,
Уціск вятруг збаўляе вастрыню.
І злёгка нават залаціцца сьцежка,
І шлях ператвараецца у гульню.
Пякучая пульсуе ў целе лава,
Чуліва сці абуджае імгнэньне,
Завя спадарожнічае жвава,
Сцюдзёнасьці нагадвае санет,
Куляецца бы зданню серабрыстай,
Нахаблівая хапаецца за твар,
Узносіцца да верхавін хваістых
І выганяе з роздумаў пачвар.
А ноччу будзе шкробаць у вакенца,
Дзіцячыя нашэптваючы сны,
Сугучны з ёю толькі грукат сэрца,
А з раніцы – вітанне ад зімы.

Кантраданс

Словы адкінуты... Толькі маўкліва,
Ўнікліва погляд сустрэчны крануў.
Першыя ноты... Павольна, цяпліва
І незабыўна так час прамінуў.

Зноў набліжаліся бляскам надзеі,
Хоць і не лонданскай залы святлом –
З танцам было пачуццё непадзельна,
Што красавік заглядаўся ў шкло.

Вобразам шчасця ў бясконцым натхненні
Вечар табою быў створаны той.
І кантраданс перакрэсліў сумненні,
І цягніка ачамерны настрой.

Тэрмінал твайго пачуцця – спасылка на сэрца (“Антыкантактны” верш)

Прыцягвае сеткі сусветнай магчымасць
Цікавых бяскондых “спатканняў”.
Дзе баль-маскарад віртуальны, не шчырасць
Ліецца па сцежках пасланняў.

Вось так і зручней, і вядомасці болей,
Вачамі кранацца не трэба.
Сябе далучыў да мільярднага поля,
Да ўсёй карыстальніцкай глебы.

Па лініях весці мажліва пасланні,
І звездаць шматграннасць “сяброўства”.
У сеціве слэнгавых апавяданняў
Навін назбіралася мноства.

І так нечакана задумлівае звонку
Ізноў спалашыць пачуццёва.
І светаўспрымання твайго абалонка
Заве успамін дэталёва.

І ўсё ж, не на ўсё надаецца спасылка,
Не ўсё падуладна шаблонам.
І рвецца знутры пламяністым урыўкам
Імкненне парываў шалёных.

І той тэрмінал самы верны, надзейны,
І шчыры, гарачы, праводны.
Ён з целам, душою тваёй непадзельны,
І з розумам часта нязгодны.

Ты можаш спасылкаю адухаўлення
Акрэсліць яго імпульсіўна,
Бо скарыбы яго абуджаюць натхненне
У хмарныя нават часіны.

Сакавіцкі верш

І зноў ажыве ў легендах забытых,
У песнях вясновых прастор наш крывіцкі.
Сустрэне вясна ля мясцін знакамітых,
І душы прабудзіць святлом сакавіцкім.

І дзён прамяністасць нам верне надзеі
Вяртаннем з далёкага выраю птахаў.
Урачыстасць у сэрцах святочнай падзеі,
Што стала здаўна неўміручасці знакам.

І кружыцца воля ў нябёсах птушыных,
Яна на зямлю нашу зможа вярнуцца.
І рухам свабоды вядзе да вяршыні,
Дзе сілай адзінаю зможам самкнуцца.

Лістапад страчае снежань
Нечаканым сутыкненнем,
Дзе прасветласці мыслення
Ля зімовага ўзмежжа.

Велічэзныя сумёты
Гожа так заслала срэбра,
Што куляюцца на дрэвах
Усім сняжыстым пералётам.

І на срэбры грае зыркi
Сонца твар непераможны,
У нябёсным падарожжы
Ад сваёй далёкай зыбікі.

Радасць рвецца так знянацку –
Лашчыць промень твар пшчотна,
І мінае час турботны
У абдоймах промняў хвацкіх.

Доўжыцца наплыву завеі
І паход шыхтоў віхурных,
Што ў лясках снуюць панура,
Быццам свет ад іх марнее.

У моцнай лютасці лядовай
Спадзяванне на свiтанне
І на сонечнае дбанне,
Што нам год прыносіць новы.

Anna-Maria

Вочы прыцемкам расплюшчу
У плыні роздумаў раптоўных.
Праз машыннае сугучча,
Слэнг сталічны, бессэнсоўны...

Быццам успамін-адбітак,
Хвалі валасоў даўгія –
Стужкі залацістых нітак,
Незабыўныя такія.

Ведаю, адлегласць, межы
І жадання не паменшаць,
З ёй – Берлін, спатканні, вежы...
Гэта мары, не сусцешаць.

І даволі хутка з Мінска
Цягнікі ідуць на Захад.
Гётэ, Вагнера калыска
Напаткае наша заўтра...

На плячы плячачок –
Не паходны, а модны.
Пашыты недзе ў Кітаі,
Набыты ўпотай.
На вуснах змярзае мята.
Роўны выходны,
Не крою і потам,
А півам і музыкай
Ператвораны ў свята.
Рыпіць пад нагамі сонная глеба.
У галаве бадзёра.
Ну і што, што мароз, снег?!
Ці дождж...
Ці што там?
Я яшчэ не глядзела ў неба.
І вечар нібыта вясёлы.
Патрохі калядныя думкі
Перакрываюць празрыста, лёгка
Жаданне зарыцца ў попел.
Каханне, хлусня, пацалункі,
Дым цыгарэт маіх тонкіх,
Што ў баб зараз модна
Паліць,
Сціскаючы даўгімі пальцамі
З лакам чырвоным,
Як кроў...
Усё ізноў?
З вуснаў льецца.
І нельга спыніць.
У цябе няма мазгоў,
У мяне – сэрца.
Але нечым усё ж давядзецца
Мне адагрэцца,
Табе –забыць.

Хутка з'явіцца новая хваля...
Накрые па самы дах.
Новы смак, новы пах,
Можа не такі мяккі,
А рэзкі ці нават прыкры.
Якая-небудзь, скажам,
“П'яная вішня”.
Колер, цяпло, фактура
У руках тваіх
Будзе нечае іншае.

Болю ад словаў,
Рук і вачэй маіх.
Табе ўжо залішне...

“Бывай.
Не сумуй.
Твая любімая дура.”

Бяры за нуль няшчырыя памкненні.
Памнож на “эн” прызнанні з сямі нот.
Імгненне –
Вось табе і год.
Год вершаў, шчырасці, натхнення,
Няўтульнасці, мурашак ды прыгод.
Ты ўяўляеш? Год!
А тое месца свету,
Адкуль пачаўся гэты карагод,
Як і раней, наш мікра-пуп Сусвету.
Мне ўтульна ў літасці сёлетаўных грымот.

Мне цёпла і бяспечна ў новых людзях.
Сыйшоў у нябыт мой з сорама канвой.
Я тут калісь сказала СТАРТ пачуццям.
І тут жа адпускаю на пакой.

А памятаеш лязо вачэй?
Абдымкі марозных шчырых начэй.
Адчуць. Дакрануцца. Хутчэй!
Падняцца ў аблогі.
Гарачыя шчокі,
Вусны на шыі,
Рукі, што ў сорама палка душылі.
Па-зdraдніцку насцеж адчынены брамы.
Нясцерпныя шрамы
На сэрцы і спіне,
Здавалася, крок і загінем.
Вусны ў салодкай атруце,
Аскепкі пачуцця
У скрываўленай бітай душы.
Ток паміж пальцамі,
Словы ў дрыготкай цішы.
Скажы,
Ты памятаеш гарачыню?
Тваю й маю?
Чую-ня чую, але адчыню
Наросхрыст. Сябе.
Сарвацца ў пагоню.
Пякучай далонню
Па твару прызнанні твае,
Што так да адчаю любіла.

А памятаеш мяне?
Не?
Ну то і я цябе забыла.

Пускаеш думкі на свабоду,
 Выкорпваючы з небыцця
 Пытанне дня. Пытанне году.
 Пытанне цэлага жыцця.
 Як перадаць ад сэрца к сэрцу
 Той мэсседж, што не даляцеў?
 І сон у руку не кладзецца.
 А так хацеў! А так хацеў,
 Каб развіднела й палягчэла,
 Каб з новым сонцам новы дзень.
 Натоўпам думак ашалелых
 На сэрца ноч. На душу цень.
 Усе хто побач, не ўратуюць.
 Хто не з табой – таму пляваць.
 Былыя бойкі не турбуюць.
 Здаешся. Хопіць ваяваць!
 Адгарадзіцца, збегчы, легчы
 Ці пад цягнік, ці пад цяжар
 Штодзёных спраў. Патоп? Пажар?
 Не турбаваць. Выносіць першым.
 Глядзіш на зоры сярод дня,
 Скрозь пяць паверхаў над сабой.
 А верыў жа, як немаўля,
 Што свет бясконцы, што ён твой!
 Цяпер сядзі сабе, дзічэй,
 Пішы без сна і асалоды.
 Не падымаючы вачэй
 На не спазнання прыгоды.
 Сядзі ў сабе! Там нецікава,
 Але бяспечна й цішыня.
 Ратуе ром, табак ды кава.
 Штодня... штодня...

Лютаўская вясна
 Шчыра ўводзіць ў зман.
 Захопваўчы ў брудны капкан
 Тры з чатырох калёс.
 Калі панавала зіма,
 Мяне ты цішком прывёз
 У межы свайго Запаляр'я.
 Назад я ўжо неяк сама –
 900 кіламетраў пешкі.
 Цяпер я нашу акуляр,і,
 А ты – усмешку.

Абдымкі. Рука ў руцэ.
 Тры, два, раз... Ужо не крыўдую.
 Чужыя партрэты малюем
 Віламі слоў па вадзе.
 Будзем маўчаць па чарзе.
 І можа што-небудзь пачуем.

Наведзена яснасць, акрэслены план:
 1.Лета.
 2.Восень.
 3.Зіма.

Вясна, калі б не прыйшла,
 Заўсёды ўводзіць у зман.

Буду размаўляць з табой вершамі.
 Чыстымі. Першымі.
 Белымі. Чорнымі.
 Ніткамі залачонымі
 Звязаны крэпка нябачна.
 Лёсу шалёнаму, дзікаму, хітраму,
 Шчыра, па-свойску ўдзячна.
 Рыфмамі, песнямі, казкамі
 Споўняцца думкі бягучыя.
 Мяккія. Злыя. Пякучыя.
 Пад каляровымі маскамі.

Палонным маім не будзеш давеку.
 Як стомленаму чалавеку
 Паклон,
 Дашся мне цяжка.
 Але не крыўдую. Не плачу.
 Ні ў чырвоным, ні ў чорным.
 Цябе не бачу.

Не баюсь. Не ганю.
 Не чакаю, накрывшы стол.
 Ты не страшны. Не чорны. Не злы.
 Але й не анёл.

Символ понятия «грех»

На тысячи тысяч одна
Иллюзия мелкого дна
В чистом прозрачном колодце.
Девочка дарит вам смех,
Когда с ней случилась весна.
Девочка плачет во сне,
Когда с ней никто не смеётся.

Сладкие с перцем духи,
Красное с дымом вино.
Из глаза чужого бревно
Вываливая хладнокровно,
Девушка пишет стихи,
Когда ей не всё равно.
У девушки нету слов,
Когда у неё всё ровно.

В жизни протертое дно.
Вглядеться, забыв пометать,
Однажды кого-то назвать
Другом, любовником, мужем.
Женщина смотрит в окно,
Когда ей есть кого ждать.
У женщины не отнять
Того, кто ей больше не нужен.

В сорок пятом году мы с тобою состаримся.
Не вместе и даже не в общем городе.
Планету, наверняка, уже заселят китайцы,
А в наших карманах поселится очередной Мавроди.
У тебя наконец отрастет борода –
Белее пепла вечных боев на границах.
У меня будет опыт, морщины, прочая ерунда
И капельки прошлого на поредевших ресницах.
Ты завоюешь славу, почет, а может сопьешься.
Я завоюю сердца двух сотен мужчин.
Знай ты это, сказал бы: "Когда ты уже уймешься?!
Всех моих неудач ты была в первой тройке причин".
Может даже мой образ тебе хоть разок привидится
За стаканом чего-то, что в будущем массово пьют.
Это мертвое чувство не будет стоить мизинца
На ноге проститутки, что скрасит унылость твою.
...

Остановка. Дождит. У плеча монотонно вертится
На тебя так похожий чужой для меня человек.
Без надежды спрошу:

- Как ты думаешь, мы еще встретимся?
- Еще как! В сорок пятом году. Выбирай только век.

Пропадай осторожно, невнятно
Как мечты,
Что когда-то я буду зваться "твоя".
Поджигай эти, мать их, мосты,
Грубо и неаккуратно.
На одном из них обязательно буду я.

За решётки, за черные ставни
Обвини. Посади.
Ты не к месту по-доброму странный.
Слишком, чтобы сказать тебе УХОДИ.
Пожалуй, самое время собирать камни.
Среди них должен быть один из моей груди.

Ты из списков живущих своей же болью.
Отдавшихся маете.
Я, наверно, из тех, кто умеет цеплять.
Я запишу это время в историю
Лезвием по мечте.
Уходи перебежками. Я скорее всего буду стрелять.

Диагноз больше чем точный:
Мы слишком из одного с тобой теста.
Ранение в мочку.
Поцелуй в позвоночник.
Поставь уже наконец эти точки!
И меня на место.

Закатное рыжее солнце августа
Как цвет волос бывшей, ну той, с веснушками.
Окраина города, балкон без адреса,
Шторки на окнах с зелёными рышками.

Книга с кривыми сырыми страницами
До дыр дочитана. О чём? Без понятия!
Глазами в глаза с отчуждёнными лицами.
Как смотрит палач из-под распятия.

Звякнешь стаканом. "Может красненького? а может..."
Плюхнешь на дно виноградного месива.
Достанешь гитару. Авось поможет?!
Наладишь струны, забренчишь невесело.

О том, что все дороги упираются в Рим,
Напевая вполголоса, будто бредишь.
Руку на пульс, проверяешь ритм.
И тихо так: "Останься, ну куда ты поедешь?".

Пылая как искры над самым костром,
В отсветах фонарных тускнеющих лампочек.
Вполсилы, вполжизни, но с полным нутром
Треклятых кусающих за сердце бабочек.

И так до утра. Без сна, без ответов.
Одетые в ночь, на жёстких подушках.
Смотреть в потолок, ожидая рассвета,
За шторкой на окнах в зелёных рышках.

Сонный город встретит молчаньем,
 На грохот похожим.
 Домофонная дверь пропищит,
 Что можно идти.
 Устремившись навстречу толпе многоликих прохожих,
 Ты поймешь,
 Что ни с кем из них тебе не по пути.

Улыбайся! Чего ты?
 Сострой счастливую мину!
 Пусть все думают:
 «Осень кругом, а он счастлив – герой!»
 Но идешь себе тупо,
 По-клячи ссутулив спину.
 Топчешь, хрустишь
 Теми желтыми, что под ногой.

Боковым отсчитаешь десятую многоэтажку,
 Повернёшь за забор,
 Что скрывает дымящий завод.
 И увидев у старенькой церкви
 Её нараспашку,
 Наконец улыбнёшься... Впервые, наверно, за год.

И пойдет разговор.
 О погоде, о ценах, политике.
 Ты узнаешь о ней столько трёпа,
 Да всё не о том.
 Задушив в себе старого нудного цензора-критика,
 Перебьёшь:
 «А ты знаешь, ведь я... Хотя ладно, потом».

Закурить и бежать.
 Растворясь в человеческом течении,
 Устремись в метро с гордо поднятой головой
 И уверенным, стойким
 Навязчивым ощущением,
 Что ты чертов слабак!
 И с чего ты ей нужен такой?!

Ну а дома:
 Кота на колени, подушку под голову,
 Ровный взгляд в потолок,
 Постаревшие нервы струной.
 Лишь блестит в свете лампочки маленький крестик из
 олова,
 Тот, который однажды она
 Не забрала с собой.

Ничего необычного

Этот день не войдёт в историю
 И не будет отмечен легендами.
 Старшеклассницы с красными лентами
 Не пройдут в этот день по городу.

Не поздравят друг друга любимые,
 Не украсят цветами памятник.
 В этот день закрутился маятник,
 Две судьбы заплетая в единое.

Разметало щиты по обрыву,
 Что годами строила совесть,
 Написавши стихийную повесть
 Локальным ядерным взрывом.

Все обломки – на совесть дворникам.
 Всем, кто выжил – покой да тюрьма.
 Этот день был обычным вторником.
 Просто двое сошли с ума.

Передоз затянувшейся комы.
 Выдыхай. Осмотрись и плыви.
 Мы невинны и так бестолковы –
 Ни вины. Ни вина. Ни любви.
 Не в расчет все законы Ома.
 Искры, ток... Все исчезло, увь!
 Мы так долго с тобой знакомы,
 Что давай перейдем на «вы».

Ты муза... Моя.
 Тёмная, злая с растрёпанным взором
 Хамелеоновых глаз.
 С тобою я не напишу про экстаз,
 Про любовь, про поля и озёра...
 С тобой я уйду за края.

Ты палач... Мой.
 Тёплой ладошкой берёшь за щеку,
 Нежно кладёшь на плаху.
 Улыбкой с размаху
 Раз за разом (ни капли упрёка)
 Голову с плеч долой.

Ты солнце... Моё.
 Греешь, светишь, плавяшь горящим словом.
 Путь освещаешь, безвестно
 Ведёшь меня в бездну.
 Я буду идти за тобой. Я прикован.
 К тебе. Погибаю. Всё.

...

Спотыкаюсь в мыслях, в словах, ломаю
 Карандаши на листках.
 Говорят, что вода точит камень...
 Ты сточила меня до песка.

Есть кофе, он черный,
И есть душа, не имеющая цвета;
Есть поле, есть небо:
Зеленый и голубой.
Два цвета.
Дзве мовы.
Два сэрца.
Як адшукаць тое, што мілей?
Как себя услышать?
Среди серых дней и ночей безликих.
Паглядзець у рэха - і нічога не ўбачыць,
Ні сябе, ні себя,
Нават цені плачуць.
Я стою так вечность – не могу решиться:
То ли мне лететь, або мне спыніцца.

Девушка.
Что-то пишет в телефоне.
Обычная девушка
В обычном телефоне.
Какие-то люди на заднем фоне.
Девушка,
Почему ты не на фоне?
Почему ты?
Что с твоими глазами?
Почему все где-то на заднем плане?
Почему ты смеешься?
Все на тебя смотрят!
Девушка, успокойся.
Это не к месту,
Пожалуйста замолчи, оставайся на своем месте.
Девушка, кто ты?
Не говори,
Я уже видел тебя как-то
В своем зените,
В своей атмосфере,
В лучшем пространстве,
Разомкнутой сфере.
Так много девушек с таким телефоном!
Так много девушек с такими глазами!
Девушка, объясни
Почему ты иная?!
Что ты там пишешь,
Может быть хватит?!
Ты знаешь, как сложно находят смиренья
Два столкновения,
Два особых мировоззрения?
Девушка, взгляни мне в глаза!
Ты больше не пишешь, да?

Не пиши про море, которое будоражит...
Напиши про море, которое тебе никогда не увидит
Из-за твоей слабости, из-за твоего нежелания двигаться!

Не пиши про звезды, усыпавшие все небо...
Напиши про лень, про свое нежелание работать ради хлеба!

Не пиши про сосны, про хвойный запах и величие...
Вспомни о своих разговорах, о своем желании отличия!

Напиши еще, напиши
О черствости своей души,
О своих темных мыслях,
О своем отношении к близким!

А море, а звезды, а сосны...
Не разглядеть тебе их, не понять!

Все, что ты можешь теперь, – это молчать и смотреть.
Не углубляясь, не впечатляясь.
А растворяясь...

Смирившись, что тебе понять всего не дано и не нужно.
Слушай, только слушай.

Выдавливая слова,
Забуду, какой мовы.
Сопровитляясь роду,
Не найдя ответа,
Я застануся рэхам,
Отразившим смехом.
Я знайсці пытаюся,
Гэтага нет, магчыма...
Я ня бачу мора
Сквозь туман холодного дыма.
Я поверну и поставлю точку!
Я не вернусь из дыма!
Тайнами все покрыто.
Дзіўна калыша вецер дрэвы.
Мне не хапае паперы.
Злой и наигранный ветер!
Я выхожу з кватэры.
Ты ўжо спіш, мой мілы.
Я зачыняю дзверы.
Казкі ды песні мне птушкі спяваюць,
Я ніколі не ведаю, дзе мы.
Ты уже знаешь, што яны мяне натхняюць.
Возьми мою руку, напиши мне письмо,
Ты знаешь, что мне не бывает легко,
Ты знаешь, как сложно вздохнуть глубоко!
Когда на мгновение не видишь рук...
Тех, что возьмут на себя весь твой глупый испуг,
И... когда ты не видишь глаз,
Тех, что примут любой твой окрас!
Знаешь, как падает снег,
Калі ты прыйшоў паглядзець на світанак?
А его нет.

Человек с проспекта

Сгорают в небе звёзды,
И, будто, гасит свет,
Над городом спасённым
Уставший человек.

Он, поступью неспешной,
Сквозь папиросный дым
Шагает по проспектам
К товарищам своим...

Молчит и смотрит в небо,
Как будто в первый раз,
Из каждого подъезда
С него не сводят глаз

Пошарпанные двери,
Разбитое окно...
Всё это постарело,
Всё было так давно...

А в губы бьёт махорка,
Горчит газетный лист,
За те четыре года
Не грех и закурить...

Пусть огонёк чуть светит,
Сгорая без следа,
И обращает в пепел
Минувшие года...

Встревая, луч рассвета,
Раскрасит города.
А человек с проспекта
Исчезнет без следа...

Но к ночи, вновь по форме,
По улице пройдёт...
Сгорают в небе звёзды -
Ведут свой грустный счёт...

Человек на канате

В облаках, тишиною объятых,
И согретых лучами зари,
Вдруг возник человек на канате,
Так уставший от праздной земли...

Каждый шаг – как полёт вокруг света,
Его взгляд устремлён в никуда.
Кто-то спросит: «Зачем ему это?»
«Нужно ль вам это знать, господа?»

А толпа замерла в ожиданьи,
И не знает сама, чего ждёт:
Одолеет ли он расстояние,
Или в самом конце упадёт?

Но пришёл он сюда не за этим,
Он – художник за чистым холстом.
Пусть гуляет вокруг него ветер –
Он обязан отвесить поклон...

Что ж, прогулка идёт к эпилогу,
И усталость сковала канат...
Он прошёл слишком близко от Бога,
И пора возвращаться назад...

Ослабляются нервы каната,
Аплодирует дружно толпа...
В облаках, тишиною объятых,
Вновь восходит на трон пустота...

Под свирепого грома раскаты
Взгляд он вновь устремит к небесам...
Человеку на тонком канате
Сверху явно виднее, чем нам...

Поэт не должен быть счастливым,
Весёлым с поводом и без,
Не должен быть притворным, лживым,
И рвущим нити наотрез...

Поэт не должен знать презренья,
И смыслы прятать между строк,
Пусть чтит он чудные мгновенья,
Не принимая их за срок...

Из-под пера не гнать дешёвку,
Не жечь не сложенный стишок...
Пусть вьётся гнусная верёвка –
Рубить не сложно узелок...

Поэт не должен чтить наветы,
Не должен верить подлецу,
Поэт не должен знать ответы,
Он должен только выбрать путь...

Считайте все вы их врагами,
Кто правду рубит от плеча,
От них не прячьтесь за щитами –
Перо порой сильнее меча...

Ему простительно быть странным,
Ведь он на то и дал обет,
Поэт не может быть бездарным –
Иначе это не поэт...

В поэте рвётся всё на клочья –
И первый крови ток в висках,
Что мчит на спущенных поводьях,
За тем, что мы зовём «душа»...

Поэт не должен ждать поддержки
От тех, кто мысль не прочитав,
Закроет книгу без задержки
И без закладки на листах...

Поэт не должен слишком часто
Играть без козыря с судьбой,
Поэт не должен быть несчастным –
Он должен быть самим собой...

Два короля

Два королевства спорили веками,
Никто не помнил повода вражды,
Топор войны сверкал меж королями –
Ох, эти нравы древней старины...

И день за днём катились в лету годы,
И седина ютилась на висках.
Один король отстаивал свободу,
Другой в сердцах людей лишь сеял страх...

Весенним утром горн гремел над замком –
Орда пустилась в яростный поход:
В руке сжимая меч, король не плакал,
Другому собирался дать отпор...

Но подданные только поражались:
Нам тот народ не сделал ничего...
Но короли, не слушая, сражались,
Солдаты били всех до одного...

Простой народ в церквях поставил свечи,
И с вилами пустился на отпор...
Но слишком крепки латы и доспехи,
И вновь мерцает проклятый топор...

Сраженье разгоралось с новой силой,
Всё больше слышен лязг стальных клинков.
Но как-то вдруг внезапно стало тихо,
На улицах несчастных городов...

И короли клинки свои сложили,
В глазах их застыл немой вопрос:
«Ну как же так мы враз всё погубили?
Ручьи весны как превратили в кровь?».

Сложились замки в тяжести доспехов,
Топор войны покоится в земле.
Теперь в обоих царствах нет успехов
И нечего делить у королей...

Когда не хватает времени

Был один человек, что всю жизнь бежал,
Поминутно сверял своим взглядом часы.
Непонятно зачем, непонятно куда,
И неясно откуда он брал столько сил.

Очень редко вниманье друзьям уделял,
Так ни разу у них не просил он совет.
И бывало, что друг к себе в гости позвал,
А в ответ: «Извини, друг, но времени нет...»

Свою юность сложил на алтарь суеты,
И по правде немало снискал он побед,
Но всё так же ответы его коротки:
«Извините, дела, совсем времени нет...»

Только дни полетели, как стая ворон,
Закрутились, закрыв собой солнечный свет.
И дела высыпаются с разных сторон,
Кроме них ни на что уже времени нет...

И кружились года заводной кутерьмой,
И природа сменяла свои времена...
Он их не замечал, видно стали тюрьмой
Для него бесконечные эти дела...

И теперь, оживив столько разных идей,
Когда их кутерьма уж не бьёт через край,
Оглянулся он – нет ни семьи, ни друзей,
Ничего нет... А времени – хоть отбавляй...

Необычные встречи с мечтой

Потерял я, наверное, что-то
В вечном странствии по городам...
Но поёт под крылом самолёта
Мир, каким его раньше я знал...

Почему-то сжимается сердце,
Каждый новый из прожитых раз,
Но вот-вот просигналит диспетчер,
И команду на взлёт мне подаст...

В облаках бесконечное время
Замедляет всё больше свой ход...
Как мне хочется в это поверить,
Но всё громче стрекочет мотор...

И, отставший на жизнь от мира,
Я тяну высоту на себя.
Есть грешок: сотворил я кумира,
Он так странно похож на тебя...

В высоте назначаю я встречи,
В облака едва слышно скользя.
И всегда дожидаюсь ответа –
Ты меня не бросаешь, мечта!

И свистит по ушам моим ветер,
Вновь штурвал я тяну на себя.
До земли мне один километр,
Но всего лишь шажок до тебя...

Мой дом остыл

Мой дом остыл, завяли розы,
Дневник разбросан на столе.
Я отпустил бывлые грёзы,
Так долго спавшие во мне...

Тем, кем я был, уже не стану,
Да это вовсе ни к чему.
Я обретал в год по изъязну,
И сам не знаю почему...

Я загрустил – все засмеялись,
Я весел был – они в печаль,
И то, о чём все забывались,
Запомнил я, по мелочам...

Так странно быть чужим повсюду,
Ещё нелепей понимать,
Что в общем, кем я был и буду,
Порой совсем не мне решать...

И, словно в зеркале разбитом,
Всё вижу я наискосок:
Там, где другому пасть избитым,
Мне шанс дан будет на рывок...

Построив выводы неспешно,
Дневник заброшу я в огонь:
Пусть уйдёт мой образ грешный,
А вместе с ним – пустая боль...

Начну другую небылицу,
Как скрипнет нежно переплёт.
На чистой, бархатной странице:
«Я прожил жизнь наоборот...»

Недосказанные фразы

В стороне тихо музыка шепчет,
Сквозь окно бьётся свет фонаря.
Замечательный, дружеский вечер,
Круг друзей – как вторая семья...

«Я недавно бывал за границей...»,
«Дважды я подносила фату!»,
«Мне пришлось по вокзалам возиться...»,
«У меня тут диплом на носу...»

... боже, сколько всего приключилось,
А прошёл только месяц-другой...
Всё до мелких секунд сохранилось
Где-то в памяти бойкой строкой.

Очень хочется нам поделиться
Всем, что мы в это время прошли.
Снова наши счастливые лица
В рамку кадра на фото вошли.

Вдруг часы наши взгляды увидят –
Час настал отправляться домой...
Эх, ну как же порою обидно,
Только сели – и снова отбой...

«Я ж забыл рассказать про тот случай...»
«Я как раз вспоминал анекдот»
«Прошлый месяц за лето был лучший!»
«Знаю, в следующий раз повезёт!»

...и обрывки всех этих рассказов
Заменяют нам слово «Пока!»...
Тонем мы в недосказанных фразах,
Пропадаем средь брешей в словах...

Но мы снова начнём, раз за разом,
Вдруг поймём, что как ты ни крутись,
Недосказаны вовсе не фразы –
Недосказана вся наша жизнь!

Седая прядь

Трещал костёр, поблескивал несмело,
Дымок тянулся в сторону зари,
И лишь гитара неустанно пела,
О том, как в море вышли корабли,

Как загудел вдруг катер у причала,
И как последней вырвалась слеза...
А он молчал, и с ним она молчала,
И он уплыл, затем она ушла...

И холод гнал с морских просторов ветер,
По волнам киль прокладывал пути...
На берегу срывает двери с петель,
На берегу – дух грусти и тоски...

И дом так пуст, но в нём как в пекле душно,
И жизнь бежит по скошенной тропе...
Но где-то там, в груди таится чувство,
Но где-то там стучит ему ответ...

А новый день из моря поднимался,
Привычный вид, приевшийся уклад...
Она ждала, а он к ней спешно рвался
И наконец-то воротился он назад...

В объятьях рук – счастливых слёз потоки,
В глазах печаль сменилась светом грёз,
От жизни той их отделила только
Всего одна лишь прядь седых волос...

Усталые ивы над Бугом

Я уехал из города Бреста,
Как всегда, с лёгкой грустью в душе,
Потеряв на день время и место,
Как солдаты в сыром блиндаже...

В тишине крепостной цитадели,
Ветер томно гулял среди руин,
Только ивы над Бугом шумели –
Персонажи военных картин...

Солнца луч пробивался сквозь тучи,
Что внезапно расходятся врозь...
Дождь затих, уплывая беззвучно -
Штык проткнул это небо насквозь...

В кирпичах чахнут воля и сила –
Им, как прежде, не страшен удар...
Затихают листочки на ивах,
Будто вновь слышат поступь врага,

Словно каждый миг станет последним,
И сгорит на деревьях кора...
Но давно ведь часы соржавели,
Что застыли в четыре утра...

Пролетают года и эпохи,
Мир пускается вверх и вперёд.
Растворяется память по крохам,
И, когда-то, совсем пропадёт...

Только стены, гудя от натуги,
До последних секунд достоят,
И уставшие ивы над Бугом,
Словно души погибших солдат...

Адгезия * чувств

Предисловие

Односторонней мне казалась жизнь.
Я чувствовал, что время поворота
Уже грядёт. Твердил себе: «Держись»...
Развязка набирала обороты,
Внушая мне – назад возврата нет,
Я всё пойму, когда увижу свет,
Пробившийся сквозь ложные виденья.
Тогда предстанет явно предо мной
Та цель, мне отведённая судьбой,
Как главное моё предназначенье.

1

Односторонней мне казалась жизнь.
Ничто не доставляло мне восторга.
То шёл я вверх, то опускался вниз.
Сегодня – пряник, послезавтра – порка.
Так предсказуемо мои сменялись дни,
Тянулись эшелонами они,
Пока в сознание не вошла забота –
Обыденность с прямой пошла на крюк,
Что-то витало в воздухе вокруг.
Я чувствовал, что время поворота.

2

Я чувствовал, что время поворота
Не за горами. Оставалось ждать.
Менялась даже за окном погода,
По крышам ветер начинал гулять.
В пустой квартире, метры отмеряя,
Ходил я, объясненья подбирая,
И подобрать не мог. Нарочно мысль,
Когда нуждался, ускользала мимо.
Я твёрдо знал, тот час необратимо
Уже грядёт. Твердил себе: «Держись»...

3

Уже грядёт. Твердил себе: «Держись»,
В конце концов, я должен ведь однажды
Хоть что-то совершить, не миражи
Действительным считать и настоящим.
Коль дело обернулось так, пора
Забыть о том, что делалось вчера
И прошлое отправить на свободу.
Тревожиться не стоит о былом,
Беречь я должен силы на потом».
...Развязка набирала обороты.

4

Развязка набирала обороты,
Ещё сосед совсем меня достал.
Собралось у него полным-полно народу,
Сам юбиляр всех прибывших встречал.
Закусывали, снова выпивали,
Курили на площадке, хохотали,
Чуть позже и ко мне зашёл сосед.
Он звал к себе, не признавал отказа.
Его визит растерянность внёс сразу,
Внушая мне – назад возврата нет.

5

Внушая мне – назад возврата нет,
На небе зубоскалил рыжий месяц,
От пляшущих людей скулил паркет,
Перекрывая звук гремящих песен.
Но в суматохе раньше остальных
Удрал я спать и в тучах грозовых,
Нависших над землёй, искал ответ.
Стояла сырость. Холодом несло.
Я размышлял, вдруг до меня дошло –
Я всё пойму, когда увижу свет.

6

Я всё пойму, когда увижу свет.
Неважно, где он вдруг случится.
Ему преграды не было и нет,
Чтоб перед человеком появиться.
Свет непорочен, и затмить его
Не сможет в целом мире ничего,
В чём есть, пускай, намёк на искаженье.
Туман перед глазами сгинет вон
И сквозь него уже забрезжит он,
Пробившийся сквозь ложные виденья.

7

Пробившийся сквозь ложные виденья,
Из темноты отчаянной моей,
Он знаком мне укажет направление
Средь множества запутанных путей.
И если я ему себя доверю,
И если распахну без страха двери,
И если я не дрогнувшей ногой
Переступлю через черту порога,
Заветная, желанная дорога
Тогда предстанет явно предо мной.

8

Тогда предстанет явно предо мной,
Возможность дав, стремиться без оглядки
Всегда вперёд. Раз сделал выбор свой,
То нечего играть напрасно в прятки.
Я долго находился в тупике,
Эмоции свои глушил в тоске
И тешить перестал себя мечтой.
Мне заслоняла кругозор стена,
Не понимал я, какова она,
Та цель, мне отведённая судьбой.

9

Та цель, мне отведённая судьбой,
Считалась неразгаданной загадкой
И то, на что решался я порой,
Происходило далеко не гладко.
Я свой талант открыто зарывал,
Боялся я того, чего желал,
Привив себе привычку к пораженью.
Я перестал стремиться и творить,
Чтоб смысл существования постичь,
Как главное моё предназначенье.

АЛЕКСАНДР МАРЧИК

10

Как главное моё предназначенье
 За чистую монету я считал
 Чужих идей обманное влечение,
 Не внутренний бушующий накал.
 Я поддавался общему настрою,
 Не думая о том, что сам я стою,
 Когда другим поддакиваю лишь.
 Бродил кругами, выхода не видя,
 И потому, себя же ненавидя,
 Односторонней мне казалась жизнь.

Эпилог

Односторонней мне казалась жизнь.
 И был мне свет, и он своим явленьем
 Проник в меня до самых скрытых ниш
 Глубин души пронзительным свеченьем.
 Настал момент менять себя, с нуля
 Начать всё заново и, больше не скуля,
 Не сетуя, пошёл я в наступленье.
 Я выскочил под утро, полон сил,
 И первое с чего я начал – был
 Сосед, мы встретились – я попросил прощенья.

**Адгезия – с лат. прилипание*

ЯНА ЗЕНЬКО

Война

Я не пишу, чтоб стать любимой поэтессой.
 Мне не привлечь широкой публики умы.
 И вряд ли мы разделим с вами интересы
 Насчёт ужасной, непонятной мне войны...

Ведь ни одна идея, убеждение, мнение,
 И никакой, казалось бы, благой мотив
 Не стоит жизни человека драгоценной,
 И на спасение есть шанс, пока он жив.

Цена души равна лишь Крестной муке,
 Цена души равна крови Христа,
 А мы отдали её смерти на поруки
 За деньги, власть, успех ... Всё суета!

О, как сместились ценности людские!
 Животных больше жалко, чем людей.
 Мы обезумели, мы извратили
 Простое понимание вещей.

Насилие насилием и болью
 Пытаемся исправить день за днём,
 Но если мы не победим любовью,
 То зло придёт в обличении ином.

Мы, одержимые идеями своими,
 Безжалостно идём по головам,
 И судьбы обрываем рядовые
 За свой пустой и глупый идеал.

Неужто вы не слышите? Взывает
 К вам Милость Бога, проходя по площадям,
 Знамение Ионы возвещает:
 Покайся! Убивая, гибнешь сам!

Ну неужели все ошибки повторим?
 Как брат на брата с завистью пойдём?
 Тогда зачем мы с вами говорим?
 Тогда ради чего мы все живём?

Хочу задать вопрос себе и вам,
 Хочу проверить ценность убеждений.
 И прежде всех себе его задам,
 Чтобы избавить душу от мучений.

За что готовы мы убить и умирать?
 Как поступить, когда у дула пистолета?
 А если там не ты, а сын и мать?
 А у меня ведь нет ответа...

Ведь каждому давать отчёт пред Богом,
 И если напрямую говорить:
 Я не хочу жалеть в тот миг о многом.
 Да, лучше быть убитой, чем убить.

Но что нам говорить, я мыслю по-другому.
 Я – гражданин Небес, другой страны.
 Да, вряд ли мы разделим с вами интересы
 Насчёт ужасной, непонятной мне войны.

Жизненное правило

Когда тебе вдруг станет худо,
Ты вспомни это правило простое:
Унынье вносит в нашу душу смуту,
И чахнет та душа в простое,
Ты не копи свои обиды долго,
А отпускай и сильно не гневись!
Поверь на сердце, тут, не будет колко,
И за врагов своих молись....
Взгляни на небо и усердно очень,
Ты за себя и ближних попроси,
Слезой кристальной вмиг очисти очи,
И чувство облегчения вкуси!
Поверь, мир ждет твоей улыбки,
Небезразлична всем твоя печаль,
Не поздно нам исправить все ошибки,
Но мы не думаем о том, а жаль!
Мы все спешим, а жизнь проходит мимо,
И забываем главные слова—
«Бесценны все минуты, до единой»!
И «Не вернуть нам время никогда!»

Наша встреча

Я просто верю: не случайны встречи,
И не случайно наши вдруг сошлись пути,
Ещё вчера не мил мне был осенний вечер,
За это ты меня прошу, прости!
Прости за то, что я поверила отчаянно
Соленым и нелепым тем слезам,
Не верила тебе, тебя ещё не зная,
Грустила без причины по часам,
Прости за то, что опускала руки
В попытках отыскать тебя в толпе,
Томила я в сердечных муках
И очень я скучала по тебе,
А ты не шёл... хоть был и где-то рядом,
Не замечал, ты жил сам по себе,
Но вдруг проснулся дождь и крупным градом,
Дорогу проложил к тебе,
Дорога та трудна, и холодно
Идти мне по крупицам льда,
Но Солнце нам светило поровну,
И знала я, что в мире не одна,
И все свершилось и оттаяло,
И звонко затрещали соловьи,
Я встретила с любовью, нет, не тайною,
И ледяные руки грею о свои.

НАШИМ УЧИТЕЛЯМ

АЛЕКСАНДР ГУГНИН, СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОФЕССОРА С АСПИРАНТОМ ПО ПОВОДУ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Профессор

Сергей, жду статью, даже стишок сочинил:

Сергею Гочакову

Мой друг, ты скажешь: счастлив ты –

Жизнь манит, светится, струится!

Но помни: все твои мечты

Лишь при труде возмогут сбыться!

18.12.2015 («Плаза», 21.44)

Аспирант

Дорогой Александр Александрович!

Приношу свои извинения за то, что сдаю статью совсем не в срок. Я перед Вами виноват и очень хорошо это чувствую.

Моя статья носит совершенно практический характер. В ней я использовал наработки своей магистерской диссертации. Хотя моя работа и получилась слабенькой с точки зрения выводов, а также содержательной составляющей, всё-таки в ней были и сильные стороны. Поэтому я и принял решение показать эту «сильную» сторону. Наверное, такой подход не годится для написания статьи ВАК, но другого выхода я не нашёл. Считаю, что подробный анализ художественного произведения является неотъемлемой частью литературоведческой работы, поэтому такая статья должна иметь право на существование. Все наработки для другой темы требуют большего количества времени и более тщательного изучения. Я этим сейчас и занимаюсь. Все эти накопленные знания я бы хотел использовать для написания статьи к Минской конференции.

Главные проблемы моей статьи заключаются в следующем. По размеру она очень объёмна, а список источников содержит всего четыре пункта. В свою защиту скажу, что в ней нет пустого словоблудия и все выводы, сделанные мной, основываются на проведенном самостоятельно, тщательном анализе с большим количеством примеров. Да и сам мотив страдания я открыл практическим путем, анализируя произведения сборника в целом, а не вычитал о его существовании где-то в книгах других исследователей. Именно этим я и объясняю свои главные, как я считаю, недостатки, коих наверняка гораздо больше.

С уважением, Гочаков Сергей.

А.А. Гугнину

Друг мой, бывает так,

Что смысл жизни пропивая

И в суете мирской теряя,

Другой нам не найти никак.

И то, что было, то былое

Так опостылело уже.

В себе все самое гнилое

Хочу подвесить на ноже!

Вот так я праздную, ликую,

Хоть нет тут праздника совсем

Себя найти я не рискую.

Живу... И я доволен тем.

23 декабря 2015 г.

Профессор

Сергей,

пришлось отложить другие дела, чтобы попытаться помочь тебе в необходимой доработке статьи. Для ВАКовского журнала необходимо 10–12 источников. Я показываю тебе, куда их можно ввести (во Введении и в конце – а может ты и сам что-то добавишь). Но всю нумерацию ссылок придется изменить, будь внимателен! То, что закрашено зеленым и красным, можно просто вырезать или (если надо) сказать по-другому. Желтым я закрасил мои добавления... Разница моя с Гаспаровым в том, что я пытаюсь на первом уровне сделать вид, что я вообще ничего не знаю кроме слов, которые вижу в самом тексте... Но Гаспаров прав в своей статье, его путь более понятен для начинающих!

Пока смотрел твою статью, сочинился стишок, авось поэзия тебя «просветит»...

Мысли по поводу статьи С. Гочакова и наших стихов

Мы с тобою – не артисты,
Мы скорее – моралисты, –
Оттого так неказисты
Наши рифмы и дела.
 Но великий Вордсворт знает,
 Что страданье исцеляет
 И кому-то помогает, –
 Не творить хотя бы зла.
Чтобы жизнью наслаждаться,
Надо мыслью напрягаться,
И, конечно же, стараться
Гений Вордсворта понять!
 Он – не мистик, и не стоик, –
 Он – гораздо больше стоит,
 Если смог стихом достойным –
 Даже бюргера пронять!
Взял – и в век сентиментальный
Холмик описал печальный –
И навеки стих хрустальный
Будет слёзы вышибать!
 Но своя рубаха ближе...
 Бюргер быстро слезы слижет –
 И опять нырнет пониже –
 Свою выгоду искать...
И вот эту вот реальность,
И вот эту социальность,
Чутких душ многострадальность –
Ты и должен показать.

25.12.2015 4.30

Аспирант

Александр Александрович, я искренне смеялся, читая Ваше стихотворение. Получилось очень круто! Улыбка не сходила с лица! Я все исправлю в ближайший срок. В понедельник Вам позвоню. Спасибо большое, что смогли проверить мою статью. А стих у Вас получился и вправду замечательный.

26 декабря 2015

Примечание: статья была доработана и опубликована в научном журнале.

АНАСТАСИЯ МОЗГО, СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОТЧЕТ

Аспирантов кафедры мировой литературы и иностранных языков

Сергея Владимировича Гочакова и Анастасии Игоревны Мозго

Специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»

Форма обучения дневная, ночная, а также «всё в последний момент»

Памятка Профессору

1. К отчету аспирантов прилагается глубокое уважение, благодарность за терпение и вдохновение.
2. В соответствии с результатами текущей аттестации аспиранты по согласованию с профессором вносят при необходимости в индивидуальные планы работы дополнения и изменения, которые вступают в силу после искренних и сердечных поздравлений мудрого и вдохновляющего научного руководителя с днем рождения среди древних фолиантов и новоизданных творений на торжественном заседании кафедры мировой литературы и иностранных языков.

Памятка Аспирантам

1. In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister,
Und das Gesetz nur kann uns Freiheit geben.
J.W. von Goethe

2. *Мой друг, ты скажешь: счастлив ты –
Жизнь манит, светится, струится!
Но помни: все твои мечты
Лишь при труде возмогут сбыться!*
А.А. Гугнин

ОТЧЕТ Проведение научных исследований

«В минуту жизни трудную...»

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
За диссертацию любимую
Я с радостью сажусь.

Есть сила благодатная,
В писании статей,
Хоть лень, царица знатная,
Мешает всё сильнее.

С души как бремя скатится
Рецензия в конце,
Получим аттестацию
С улыбкой на лице.

И снова ночь бессонная,
Грозит опять дедлайн –
Наукой увлеченные,
Откроем много тайн.

Анастасия Мозго

«Во глубине научных руд...»

Во глубине научных руд,
Хранил я прочное сомненье,
Что мой довольно скорбный труд
Отыщет в душах одобренья.

Науке верная сестра,
Познания жажда – вдохновенье
Укажет точно направление
И скажет мне: «Писать пора!»

Статьи, параграфы до Вас
Дойдут сквозь интернета створы,
Как в кафедральные просторы
Доходит мой литовский фас.

Контекстуальный наш редут,
Возьмем с лихвою – и баллады
Свои лирические клады
Нам беззаветно отдадут.

Сергей Гоцаков

- В процессе обучения нами освоен историко-контекстуальный метод в контексте аспирантских скитаний в тумане моря голубом!..
- Жизненное литературоведение доказало практическую значимость, что сподвигло аспирантов покинуть бюргерскую рутину и отправиться в путешествие по лирическим хитросплетениям строк и судеб.
- Метод эмпирических обобщений прибавил оптимизма в духе романтизма.
- Вечерние беседы среди сует преподавания и научных изысканий вдохновляют на новые авантюры.
- Готовится к изданию 7-ой выпуск альманаха «Литературный ОбъектИФФ», что является результатом непрерывной и беспробудной работы.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ АСПИРАНТАМИ

по итогам научно-исследовательской работы и задушевных бесед

А.А. Гугнин за отчетный период с присущим ему исполинским энтузиазмом, перевыполнил план работ с опальными аспирантами и в очередной раз доказал свою мудрость, крепость духа и веру в жизнь и литературу во всех проявлениях.

Дорогой Александр Александрович, спасибо Вам за Вашу доброту, гибкий ум, за отеческую любовь. Поздравляем Вас с днем рождения и присваиваем Вам звание «Самый лучший научный руководитель».

«3» мая 2017 г., Полоцк

ПРОЗА

ВЕРОНИКА ПОНИЗНИК

НАТУРА

Безжизненные ветви, сбросившие свою листву ещё месяц назад, стучали в мокрое от дождя окно. Они не сами стучали! Беспощадный ветер, будто вырвавшийся из клетки, вселялся во всё, что попадалось на пути.

Интересно было наблюдать за такой войной между стихиями. Совершенно контрастной погоде оказалась комната моего музыканта. Они с ребятами подбирали музыку для стихотворения. Мелодичные звуки фортепиано, гитарные рифы... Кто-то взялся за маракасы. Душевная дружеская атмосфера царила во всей квартире. Только иногда доносились звуки того самого ветра. Но их никто не замечал – парни были увлечены процессом. По сути только я и прислушивалась к нему. Он будто что-то кричал, что-то пытался сказать нам. А дождь... То, что происходило и дождем-то не назовёшь. Это были беспорядочные жидкие капли, которые небо будто выжимало из себя. Казалось, что погоду мутило. Моя восприимчивость не давала мне отлипнуть от окна. Я настолько ушла в состояние природы, что все остальные звуки оставались на заднем фоне. Ребята стали шуметь, и это собрание всё больше перерастало во что-то несерьёзное. Они дурачились, пародировали друг друга, смеялись. Всё это выглядело забавно. Однако чего-то не хватало. Мне всегда чего-то не хватало. А в окне, казалось, было всё: кричащий ветер, стойкость деревьев, непоколебимость земли, упругость воды! В этом чувствовалась свобода, чувствовалась жизнь. Душа, как сосуд, наполнялась величием природы.

Меня позвали. Когда я встала, все резко замолчали. Мой музыкант провел взглядом по разбившейся статуэтке, маленькая фигурка с нашим символом, в принципе, ничего особенного. В принципе... Я не суеверная, к магическим шептуньям отношусь с подозрением. Но я почувствовала, как что-то щелкнуло во мне. Мне не было обидно, мне не было грустно. Я только собралась, отворила дверь и вышла.

На улице наступила тишина. С музыкантом мы больше не виделись. Ветер был услышан.

НАТАЛЬЯ БОРИСЕНКО

VAE VICTIS¹

Переехав из мегаполиса в небольшой городок, я надеялась найти душевное равновесие. Тишина, неспешность жизни, открытость людей к общению – всё вело к долгожданной мечте. Но случайные наблюдения в прогулках привели меня к открытию, тяжким грузом придавившим мой оптимизм. Это открытие ранило душу! Люди были поражены эндемией². «Что это такое?» – спросите вы. Тогда слушайте.

Девчушки-школьницы, поставив рюкзаки на скамейку, жуя конфеты, болтают о школьных делах. И тут как тут – эндемия! С невинных уст, без запинки выскакивают «заразные» слова.

Группа студентов, оккупировав «пяточок», устроили соревнования, демонстрируя «удаль молодецкую». Оказалось, места маловато для «развернись плечо, размахнись рука». Тогда почему бы не поплесть – ведь язык-то без костей. И наполнился свежий весенний воздух городка смрадным матом. Прохожие со страхом шарахались от разогретых удальцов, предполагая худшее.

Сёстры-близняшки, очаровательные и юные, гуляют по многолюдной аллее. Вдруг устраивают разборку, а может игру в «словесный» пинг-понг. Слово за слово посыпалось изощрённое сквернословие. Ситуация накалялась. Недалеко и до драки. Вокруг – пустота. Прохожие быстро и молча обходили их стороной.

Три седых старушки степенно бредут по просёлочной дороге. За ними вязалась дворняга. Она надеялась своим сопровождением заработать кусочек съестного. Пенсионерки её не замечают и говорят о наболевшем. Хотя трудно понять, где наболевшее? Все покрывает мат. Дворняга, поджав хвост, осталась стоять на дороге.

Такие наблюдения возможны и в школах, и в университетах, и в больницах. Да что перечислять! Везде...

Один мудрый человек, живущий в этом городе, сказал мне: «Где много нечисти – там много святости». Незаметно мы растрчиваем святость нас охраняющую. Равнодушно и уже поработанно мы превращаем свой внутренний мир в «помойку»! А затем от избытка «помойка» изливается на окружающий мир. Время подсказывает нам выбирать на чистую дорогу, ведущую в храм. Приумножать святость земли, которую даровал нам Бог.

¹ VAE VICTIS – с лат. горе побежденным

² Эндемия – с лат. существующая заразная болезнь в какой-нибудь местности

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ, АККУРАТ – В ПРОВИНЦИИ

В старом провинциальном городе всё быстро становится старым, изношенным, дырявым, корявым, забрызганным, испачканным, непотребным, измождённым.... Вывески и объявления через короткое время становятся рваными и изгаженными. Среди них пестрят самодельные бумажки, написанные, кажется, ещё химическим карандашом, с ошибками, старческим почерком. Но и отпечатанным на современных принтерах рекламным носителям, часто тоже написанным с ошибками, уготована не долгая молодость.

Всё быстро старится, становится не новым, обветшалым, невостребованным, ненужным...

Плитка после зимы побита, с трещинами, местами бугорками взлохмачена. Клади студенты на практике, – те ещё мастера. А где их найдёшь мастеров на такие сроки и расценки? Это же – провинция, турки или другие гастарбайтеры сюда не едут. Разве что на субботник выйдут мелкие чиновники, студенты-первокурсники, санитарки и школьники, уверенные в том, что у них большая перемена, а не рабочий день. Качество их бесплатного труда известно. Возможен ещё десант алкоголиков, тунеядцев и прочих маргиналов, собираемый малым денежным вознаграждением (особенно в летний период отпусков). Но и здесь качество желает лучшего. Да и использовать такой десант лучше на сельхоз-угодьях, рассчитаться можно натурой.

В прошлом году же красили крыши и стены домов центральных улиц – готовились к очередному празднику города. Праздник был «вчера», а сегодня похмелье..., всё и все разбиты и поломаны, и деньги кончились. Вместо красного цвета – буро-грязно-коричневый, зеленый стал чёрным, по белому пошли серые с разводами полосы, а жёлтый обвалился... Материалы такие... А у себя-то на даче – хорошие. Растащили, разбавили, сэкономили, поменяли, заменили, что-то оставили себе, поддержали семейный бюджет, помогли соседу... А кто не ворует?! Зарплаты-то какие... Никакие: маленькие, крохотные, быстро тающие, не соответствующие, унижающие профессию и достоинство.

Да что всё – город, город... Устраивай себе праздник сам! Зайди в кафе, посети музей, сходи на концерт. В городе десять музеев, пять кафе, три бара, два клуба и один концертный зал. Только запасись терпением, ибо везде с тобой рядом будет провинциальная, издевающаяся над тобой, сопротивляющаяся любому комфорту атмосфера. В виде, например, концертного зала, где никогда не бывает комнатная температура воздуха. Испытание для актеров, отдых для гардеробщиц! Наслаждение, которое может закончиться больничным. К этому добавь «зрелище», которое ты не увидишь ни в одной столице – вместо одного обычного зрительного ряда поставлены мягкие стулья – «для начальства», городского начальства и их гостей – чаще родственников, членов «их семей».

Гардеробщицы «отдыхают» везде: в «магистрате», в больницах, столовых... А «семейственность» – это же продолжение традиции. Мама – учительница, и дочка тоже, папа – преподаватель, и сын – ассистент, бабушка – бухгалтер, мама – заведующая отделом, папа – управляющий, и сын – начальник... В коллективном договоре главного городского предприятия записано, что в первую очередь на работу принимаются родственники сотрудников.

Традиции надо поддерживать, а не то они тоже умрут, забудутся, покроются археологическим мусором, станут мифом, легендой, сказкой...

Когда-то на месте моего районного центра был центр княжества, культурная столица. Об этом написаны книги, защищены диссертации, сняты фильмы, поставлены спектакли. Дети и взрослые повторяют мантры о величии, древности, святости. Поэты слагают стихи. Правда, большинство детей нашего города, как только достигает совершеннолетия, бежит в другие города и страны, туда – где столицы и лучше живут. За ними тянутся и поэты – туда, где свет ярче и публики больше. Потом они приезжают сюда в гости и клянутся в вечной любви к городу и твердят, что именно отсюда начался мир. Для них – наверное, да. Для нас этот город – не начало, а конец. Завершение надежд, мечтаний. Угасание натуры, жизни. Все сломано, покалечено, вышло из употребления, заброшено, забыто...

Это – город стариков. Они здесь чувствуют себя уютно: знакомые прохожие и продавщицы, мало транспорта, магазины – в шаговой доступности.

Все друг друга знают. Ходили в один садик или школу, учимся в одном единственном университете, живём по соседству, посещаем один и тот же магазин и концерт, ездим на одном автобусе каждый будний день. Количество маршрутов ограничено первой двадцаткой. А трамвай вообще – номер один. И второго уже не будет никогда. Планы изменились. Город не растёт, а уменьшается. Увеличивается средний возраст жителей, и уменьшается рождаемость, растёт количество кладбищ, и сокращаются койки-места в больницах.

Взрослеем, болеем, стареем и ... глупеем. В провинциальном городе – люди как дети. Доверчивые, наивные, радующиеся любому подарку, даже если – это шоколадки к новому году от европейских друзей; гостям, даже если они совершают набеги на город с целью пожить денежными средствами его небогатых жителей (что в их среде называется «чёс»); праздникам, даже если они устраиваются с целью, как можно

больше людей напоить, разорить, собрать деньги в городской бюджет, а сам город превратить на утро в большое мусорное ведро.

В моём провинциальном городе жить трудно и легко. Такой маленький – здесь знакома каждая улица, скамейка... Вот ту убрали, а здесь мы говорили с ним в последний раз... А в эту баню я хожу с семи лет... Буква «ь» ещё висит на стене бани-«лазны», а ведь исчезла из официального алфавита, из газет, из книг. А на старой вывеске осталась. Сохранилась. А кому она нужна? Неужели вы подумали о приверженцах «тарашкевицы»? Нет, чтобы её уничтожить, придётся капитально ремонтировать здание, а деньги есть только на ремонт косметический, тот, что на следующий год не виден. Вот часы на каланче убрали. Не работали, сломались. Каланча-то – пожарная, или, говоря сегодняшним языком – МЧСовская. Они могут себе позволить и не такие расходы. Да что там буква! Вот в центральной парикмахерской английский флаг висит, большой такой плакат с красочным изображением британского флага. Пока ещё новый плакат. Наверное, кто-то из работников ездил в тур по Англии, а может быть, косметический товар у них из совместной, английской фирмы. Да что там чужой флаг? Вон у них и новогодние гирлянды на весенних немых окнах, висят. Красиво же, не беда, что грязно.

Вечерами город светится разноцветными красками: подсветка, свет из окон зданий освещает лепнину сталинских домов и воду на асфальте. Одинокие прохожие похожи на светлые маленькие парусники с герба города, плывущие по светящемуся серому океану, в котором отражаются фантастические тени деревьев и многообразных очертаний зданий, памятников и фонтана. А над ними – небо с тысячей звёзд. Над провинцией всегда много звёзд. Воздух пахнет рекой, ночными цветами, пробуждающимися деревьями. Кажется, ты наедине с природой, миром, иным светом. Можно услышать будущее или прошлое, как будто находишься между жизнью и вечностью. Мой город спит, а я подглядываю за ним. Для того, чтобы набраться сил для завтрашней жизни.

Да здравствует провинция!

Будь она проклята!

НАТАЛЬЯ БОГДАНОВА

МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ СТРАХ

1

Привет. Меня зовут Бони Тайлер, и мне нередко снится, как Страх, нависавший надо мной, ложится в ногах калачиком и тихо урчит. Его длинный хвост свисает с кровати, узкой тенью разделяя комнату на две части. Большие когтистые чёрные лапы устраиваются чуть ниже моих колен, одна на одну, подпирая мощную хищную морду с умиротворённо закрытыми большими глазами. Блестящий чёрный нос подёргивается, пытаюсь уловить незнакомые запахи. Его дыхание тихо и размеренно. Он спит.

Я помню, как впервые увидела Его. Он появился так же внезапно, как появляется машина из-за поворота, как вспыхивает пожар. В ту ночь, когда я впервые увидела Его глаза, я, маленькая беззащитная девочка, осталась совершенно одна, лишённая всего, что я люблю: родного дома, в котором росла, родителей, которых любила сильнее всего на свете, безмятежности и беспечности, присущей всем пятилетним детям. Говорят, человек во сне не способен учуять запаха дыма. Так случилось с моими родителями.

В ту ночь я проснулась от странного звука. Если вы когда-нибудь слышали, как взлетает огромная птица в абсолютной тишине, вы меня поймёте: звук мощных хлопающих крыльев, наверное, ни с чем не спутать. Во всяком случае, я его помню замечательно. Я отрыла глаза, и в полной темноте блуждающий мой взгляд уткнулся в два блестящих огромных глаза, нависающих над моей кроватью на расстоянии вытянутой руки от меня. Я хотела закричать, но ужас комом стал у меня в горле. Я зажмурила глаза на несколько секунд, сжав маленькими пальчиками одеяло до того, что они побелели и начали болеть. Когда я осмелилась открыть глаза, Его не было. Нигде. Но вместо Него повсюду был дым. Я выскочила из своей комнаты и побежала в сторону комнаты родителей. Я помню, как звала их. Сначала тихо, позже громче, и вот уже срываясь на истошный крик. Мне никто не отвечал. Языки пламени с поразительной скоростью пожирали изрисованные мной обои. Я услышала крики. Даже не крики, вопли. Так кричит смертельно раненное животное. От боли, ужаса, отчаяния. Я помню, что крик доносился из комнаты моих родителей. Кричала мама.

Зажимая уши руками, чтобы не слышать этого, чтобы сбежать от этого ужаса, я бежала в ту часть дома, где была спальня родителей, но в коридоре, ведущем к источнику леденящего душу звука я снова увидела Его. Его крылья полностью перекрывали мне путь, а длинный хвост крепко держал ручку двери, за которой происходило нечто непостижимо страшное, а крылья сильно обгорели. Единственное, что мне оставалось делать, – бежать к входной двери и вон из дома. Ощущая прикосновения горячих лезвий стихии, я рванулась к выходу. Последнее, что я помню, – падающие прогоревшие куски потолка и Его глаза.

В ту ночь мои родители сгорели заживо. Меня, пятилетнюю девочку, с обожжёнными руками нашли в пятистах метрах от дотла выгоревшего дома, в котором я выросла...

2

Следующие несколько лет я провела в больницах, где безразличные люди с уставшими глазами пытались вернуть мне детство и речь. Там было много детей. Они все смеялись, а я не умела. Ни смеяться, ни говорить. Не умела и не хотела. В то время, когда все дети играли друг с другом, я сидела в уголке палаты и рисовала. Часами я рисовала одно и то же: чёрное пятно на опасно-рыжем фоне. Я прятала рисунки под матрас, потому что каждый раз, когда кто-то из врачей находил их, они страшно смотрели на меня и молча уходили, а когда возвращались, они делали мне уколы, и я подолгу спала. Они думали, что мне так лучше, но то, что я не могла рисовать, появлялось перед глазами каждый раз, когда мои веки опускались. Ночами я часто смотрела в потолок или в окно, откуда на меня смотрели два горящих глаза. Каждую ночь. Уже тогда я понимала, что, если бы не Он, мама смогла бы убежать от того, что делало ей так больно.

Я попала в детский дом, когда мне было почти восемь лет. С момента пожара моя память обострилась настолько, что до сих пор я запоминаю каждую мелочь, которая попадаетеся мне на глаза. Это мой дар и моё проклятие.

Я помню каждую доску пола в детском доме, каждую заплатку на старом моём одеяле. И каждый злой смешок или комментарий, который летел в мой адрес. Надо мной смеялись дети, меня побаивались воспитатели и учителя. Многие из поселенцев детского дома злились на меня из-за того, что в школе я училась лучше всех. А было так только потому, что я чертовски боялась спать ночью, и всё, что мне оставалось, – читать книжки и списывать аккуратными прописными буквами немногочисленные тетрадки, которые были выделены мне для школы.

Я рисовала. Часами, днями в абсолютном молчании я осторожно и с трепетом вырисовывала каждую деталь своих «картин». Всё те же краски, что в детстве, но более нейтральные картинки.

Почти полгода моей жизни в детском доме прошли без встреч с Ним. Он даже мне не снился, но я так и не могла забыть зловещих огоньков в Его глазах. Мне становилось лучше, я даже начала немного интересоваться тем, что делали мои братья и сёстры по несчастью. У меня появился друг. Вайби, молчаливый и болезненно худой, был единственным, кто не боялся меня и моих рисунков. Его бледная кожа казалась почти прозрачной. У него были не по-человечески огромные глаза, и в них таилась грусть, приправленная толикой безразличия ко всему. Всему, кроме меня.

Он был старше меня на восемь лет. Все дети смеялись над ним, а воспитатели с опаской поглаживали на нашу дружбу, но ему было наплевать.

3

В девять лет я заболела пневмонией. Долгое время на меня никто не обращал внимания, но, когда одним прекрасным утром я не вышла к завтраку, Вайби зашёл ко мне и нашёл меня лежащей в кровати почти без сознания, совершенно бледную. Я не могла сказать ни слова, но ему это было и не нужно. Он убежал из комнаты, а спустя пару минут прибежала воспитательница, которая и сообщила о болезни в больницу.

Казённый дом был расположен в другом крыле здания детского дома. Я знала, что можно было как-то пройти в больницу через подвал, но этим способом никто, казалось, не пользовался. Я очень хорошо помню, как лежу одна в серой от старости палате. Капельницы, уколы, таблетки и вечный холод старых ртутных градусников.

Мой десятый день рождения приходился как раз на один из дней в больнице. Я знала, что для других этот день не отличается абсолютно ничем, и не надеялась на чудо. Моё сердце тревожилось. И причиной тому были двое: Вайби, о котором почти месяц не было никаких вестей, и Он, чьи глаза прошлой ночью снова появились за окном палаты. Я проснулась глубокой ночью от резкой боли в спине. Недолго пролежав, я увидела его, мелькнувшего за окном на долю секунды, а после за стеной услышала тот самый звук. Звук больших крыльев. Дальше какие-то копошения, и дверь в палату отворилась. Старенькая испуганная Миссис Андерс, медсестра, которая за мной приглядывала, проснулась от того же звука и в поисках его источника заглянула в мою палату. Я не знаю, что со мной было, но помню кровь, брызгающую изо рта при кашле. Перед тем, как я потеряла сознание, я увидела Его глаза в коридоре, и Он снова исчез.

Утром мне стало лучше. Мне стали давать другие таблетки, и уже к полудню я пришла в нормальное состояние. Я попросила Миссис Андерс привести ко мне Вайби, хоть на минуточку, но она лишь грустно покачала головой. А я всё ждала.

Кое-что изменилось. Я стала почти кожей ощущать постоянное Его присутствие в палате, а когда начало смеркаться, мои подозрения подтвердились. В самом тёмном углу палаты я увидела едва заметный силуэт огромного зверя со сложенными крыльями и длинным хвостом. Второй раз в жизни я видела Его целиком, второй раз он не пытался скрыться. Я смотрела на Него, не отводя глаз, и понимала, что сейчас, почему-то, мне совсем не страшно, даже наоборот. И я заснула.

Мне приснилась моя палата под покровом ночи. Я знала, что Он рядом, хотя спросонья не могла разобрать в темноте абсолютно ничего. У меня на губах появилась слабая улыбка.

Когда глаза приспособились к темноте, я отчётливо увидела его в том же углу. Он сидел, не касаясь передними лапами пола. Глаза его, как будто уставшие, смотрели в окно, не обращая внимания на наблюдающую за ним девочку. Я села и протянула Ему руку.

Огромные мощные когтистые лапы коснулись скрипучих деревянных половиц, но безмолвная тишина так и осталась девственной и нерушимой. Прижав огромные перепончатые крылья к телу, он медленно начал приближаться к моей кровати. Меня переполняло чувство дикого восторга и сладкого страха, коим наполняется душа ребенка, впервые протягивающего ладошку к мягкой тёплой шерсти опасного хищника. Я смотрела на него не моргая, и, чем дольше это продолжалось, тем более ощутимой становилась тревога. Он опустил глаза и исчез.

4

Я проснулась от прикосновения ледяных пальцев чуть повыше моей ладони. Открыв глаза, я увидела перед собой добрые огромные глаза Вайби. Он приложил палец к губам и протянул мне маленький медальон, который никогда раньше не снимал. Когда медальон опустился мне в ладошку, я взглянула на моего единственного друга. Свет яркой луны освещал черты его лица, которые, как мне показалось, стали более резкими и грубыми: Вайби похудел. Он молча смотрел мне в глаза, и мне становилось страшно. Я понимала, что что-то не так. Я сжала его тощие пальцы своими. Он улыбнулся, и от этой измученной улыбки стало больно. Вайби не сказал ни слова, как и всегда, но мне было этого достаточно. Он медленно поднялся с моей кровати и, держась за стену, пошёл к двери палаты. Перед тем, как закрыть дверь, он улыбнулся всей своей чистой и честной душой.

В ту ночь Вайби улыбнулся мне в последний раз. Когда меня выписали, первым делом я побежала в его комнату, но нашла его кровать пустой. Тогда я впервые заговорила, и первым моим словом после второго рождения было его имя: Вайби. Но мне никто так ничего и не рассказал.

5

Прошло много лет, я перестала принимать препараты, стабилизирующие моё состояние. Образы, плотно засевшие в моём мозгу, становились всё более тусклыми и теперь больше напоминали истории из давно забытых книжек или снов. Все ребята, которые окружали меня всё время пребывания в интернате, нашли дом, семью. Некоторых забрали чужие люди, вскоре ставшие родными, других нашли их настоящие семьи. Меня же так никто и не полюбил. Когда я окончила школу, единственная из своего класса тогда я всё ещё возвращалась в интернат. Однажды вечером, застав меня за рисованием, в мою комнату вошла директор моей школы, славная Миссис Барри. Тогда мне сообщили, что я могу получить место в одном из местных университетов и переехать жить в хостел. Эта новость стала одной из самых прекрасных новостей того времени.

Вскоре я переехала в маленькую уютную комнатку в небольшом здании, находящемся недалеко от университета. Занятия проходили увлекательно, но не настолько, чтобы об этом рассказывать. Более увлекательными были люди, окружившие меня в этом невероятном заведении. Каждый из них был по-своему интересным, но один человек притягивал меня больше остальных. У него были огромные спокойные серые глаза, полные безразличия ко всему окружающему. Я помнила этот взгляд: уставший, изнеможённый, спокойный и глубокий. Такие глаза были у Вайборна Спенсера. Мальчика, который был мне дорог, как никто иной. Прошло уже столько лет, а я так ни разу больше не увидела его, а на моей груди с тех пор неизменно висел медальон в форме маленькой пуговички с крохотным зеркальцем внутри.

Парень с глазами Вайби редко появлялся на занятиях, но, когда это случалось, я не могла думать ни о чём другом. Я понимала, что именно об этом пишут, когда пишут о первой любви. Я смотрела на него, и мне казалось, что более совершенного человека нет в этом мире. Он был высокий, с невероятно красивыми руками. У него были длинные чёрные волосы, спадающие на худые плечи волнами, к которым так хотелось прикоснуться. Он носил длинное чёрное пальто. Всегда. Не снимая. Его звали Артур. Артур Хопс, человек, подаривший моим картинам светлые тона.

Однажды, возвращаясь с занятий, я услышала, как меня кто-то окликнул. В надежде я обернулась, но увидела пятерых ребят, которые не спеша двигались в мою сторону.

– Привет, красотка! – с интонацией, присущей безмозглым уродам, прошипел один из них. Я с самого детства знала, что такие ситуации не приводят ни к чему хорошему. А ещё я знала, что такие люди хуже зверей.

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

– Ха-ха-ха, детка, ты знаешь, чем можешь нам помочь! – ехидно огрызнулся один из них, медленно приближаясь ко мне. Мне стало невообразимо страшно. Остальные парни начали смыкаться вокруг меня кольцом, страшно скалясь. Тот, что первый заговорил со мной, схватил меня за руку и сильным рывком притянул к себе. Я не могла закричать, только вцепилась руками в его руки. Невыносимый ужас сдавливал мне горло, и тогда, когда я уже потеряла надежду на спасение, появился Хопс.

– Эй, парни, какие проблемы? – его улыбка была такой хищной, что на секунду мне показалось, что они заодно.

– Чёртов фрик, иди своей дорогой, – заорал тот, что держал меня за руку. – Или присоединяйся!

Артур медленно двинулся в нашу сторону. Он был на голову выше каждого из них, в глазах же сверкали огоньки, а улыбка была кровожадной и хищной.

– Отпусти её, – тихий его голос нарушал безмолвие вокруг нас. Ни один из парней не смел сказать и слова против. – Лучше отпусти её сейчас.

Хватка обидчика ослабла. Посмотрев на него, я увидела, что лицо парня искажено ужасом. Он побледнел, глаза его остекленели.

– А теперь иди. И заberi своих друзей. – Он почти шептал, но слова его пробирали до самого сердца.

Как дрессированные шавки, парни бросились прочь. Артур приблизился ко мне вплотную и спросил:

– Я вовремя?

Из моих глаз хлынули слёзы. Никто никогда не защищал меня, никогда и ни от чего. Артур спокойно смотрел мне в глаза.

– Пойдём.

Мы шли в полной тишине на почтительном расстоянии друг от друга. Я путалась взглядом в его длинных волосах, он внимательно изучал дорогу, не обращая на меня никакого внимания. Когда мы дошли до хостела, он подошёл ко мне, заглянул мне в глаза, слегка кивнул головой, развернулся и ушёл легким стремительным шагом. Оцепенев, я стояла и смотрела ему вслед.

6

С того дня прошло три недели, и за эти три недели Хопс ни разу не появился на занятиях. Я понимала, что скучаю и переживаю. Так подолгу он ни разу не отсутствовал. Я нашла подработку, целиком с головой ушла в учёбу, но никак не могла отогнать от себя мысли об этом человеке. Его бархатный низкий голос звучал в моей голове постоянно, казалось, я с ним разговаривала всё это время.

Очередной тёмный и невероятно одинокий вечер. Все мои соседи из хостела уехали на какую-то шумную вечеринку, слухи о которой гуляли по городу уже несколько дней. В мою комнату зашла одна из моих одноклассниц. Одна из немногих, кого не отпугивало моё нежелание трепаться на бессвязные темы.

– Привет, Бони!

– Здравствуй, Клэр. Чем обязана?

– Детка, не груби, – улыбнулась мне длинноволосая рыженькая девушка. – Я, между прочим, к тебе с предложением!

– Хм, интересно. Что же за оно? – я говорила с ней, не отрывая глаз от листа бумаги, на котором едва проступали черты очередного бреда.

– Ты же знаешь, что сегодня у нас намечается большая вечеринка?

– Да, слышала, – устало выдохнула я.

– Бон, поехали с нами, конфетка! Ты постоянно сидишь одна! Это же студенческая вечеринка, там наверняка будет весело! – её озорные кудряшки подпрыгивали, смешно путаясь и дрожа.

– Клэр, я не любитель подобных мероприятий. Я бы лучше осталась здесь.

– Дорогая, ты пропустила ВСЕ вечеринки. Пожалуйста, поедem со мной! Я обещаю не дать тебя в обиду, а когда ты захочешь, мы сразу уедem.

– Уф, – я надула губы и подняла на веснушчатую красотку свои испуганные глаза.

– Отлично! Я знала, что ты согласишься! – Клэр выскочила из комнаты, напевая какую-то попсовую мелодию. Из коридора она закричала:

– Даю тебе 20 минут, чтобы собраться и одеться, иначе я вытащу тебя из комнаты в том, в чём ты одета сейчас.

Подойдя к большому зеркалу, я критически взглянула на себя, что заставило меня улыбнуться: перспектива ехать на студенческую вечеринку в пижаме с вытянутыми коленями не прельщала.

Через двадцать минут дверь в мою комнату открылась, и на лице Клэр читалось удивление пополам с восхищением.

– Бон, Боже, какая ты красивая...

Мои длинные волосы волнами спадали на плечи, а длинное чёрное платье с вырезом, открывающим левую ногу до колена, привело Клэр в восторг. Перед тем, как выключить свет в комнате, я ещё раз оглядела себя в зеркало, сжав в кулачке маленький медальон в форме пуговички, с десяти лет висевший у меня на шее.

7

На вечеринке, как и ожидалось, было совершенно скучно, хотя Клэр меня явно не поддерживала. Она танцевала, играла в безумные и порой абсурдные игры, которые придумывали пьяные хозяева вечеринки. Я понимала, что, как только я захочу уехать, Клэр мигом рванёт за мной, но она выглядела слишком счастливой, чтобы заставлять её уехать. Вместо этого я взяла себе лёгкий коктейль и отправилась к озеру. На берегу я нашла укромное местечко со скамеечкой у самой воды, сняла туфли и опустила ноги в прохладную тихую тёмную воду. Вдруг недалеко от меня мелькнул силуэт. Высокая фигура в тёмном плаще двигалась в мою сторону, волосы развеивались на ветру, плащ почти тянулся по земле. Я замерла в предвкушении встречи. Рядом со мной опустился Артур Хопс.

- Привет, Артур.
- Здравствуй. – Он безучастно смотрел перед собой.
- Я тогда так испугалась, что даже не сказала тебе спасибо.

– Сказала. Ты же плакала. Что может быть красноречивее. – Артур повернулся ко мне, и я впервые увидела его улыбку. Он смотрел на меня так, как смотрел на меня Вайборн в последнюю нашу встречу. Я подвинула свою руку к его руке и ощутила то самое прикосновение влажной ледяной кожи. Хопс одёрнул руку, испуганно посмотрев на меня. Мне стало не по себе. Неужели воспоминания оживают в моей памяти? Неужели это всё мне просто кажется?

Артур быстро встал и пошёл прочь.

– Стой, куда же ты? Почему ты уходишь? – прокричала я в пустоту. Ответом мне послужил голос Клэр:

– Бон, конфетка, с кем ты говоришь? – её стройный силуэт вынырнул из-за живой изгороди.

– Да так, ерунда, тебе показалось. Ты искала меня? – я прикинулась дурочкой, в темноте ища глазами силуэт Артура.

– Ладно. Сейчас я слишком пьяна, чтобы пытаться тебя, но завтра тебе придётся мне всё объяснить! – пригрозила мне Клэр, смешно тараща глаза и тряся кудряшками. Я улыбнулась:

– Едем домой?

– Да, уже пора. Барри ждёт нас.

– Кто такой Барри? – прищурившись, спросила я.

– Ты будешь крайне удивлена, – залилась задорным смехом Клэр. – Это парень, который уже несколько месяцев сидит с тобой на занятиях!

Когда мы приехали обратно, я сразу же умчалась в свою комнату, сославшись на то, что очень мало сегодня поспала, чтобы не выслушивать глупый трёп Барри. Оказавшись в своей комнате, я впервые не включала свет. Раздевшись в темноте, я без сил упала на кровать. В ту ночь впервые за двенадцать лет мне приснился Чёрный Зверь. Будто я вот-вот коснусь его мягкой шерсти, но в следующий миг он ускользает от меня, и так раз за разом. Мне снились его сгоревшие крылья.

8

Через две недели, когда мы с Клэр выходили из университета, ко мне подбежал маленький мальчик, и передал записку, которая гласила: «Я жду тебя возле того озера, где мы виделись в последний раз. Сегодня в 19.00». Прочитав записку, я завертела головой в поисках Хопса и не ошиблась. На другой стороне дороги стоял парень, длинные волосы которого развевались на ветру. Он кивнул головой и скрылся за машинами.

Весь оставшийся день меня била мелкая дрожь. Погода выдалась довольно прохладная, что усугубляло положение: ехать было довольно далеко. Я не хотела, чтобы кто-то знал, что я должна встретиться с Артуром, и мне пришлось соврать Клэр, что меня нашла моя давняя подруга, и я еду на встречу с ней.

Приехав к озеру, я сразу увидела его. И впервые он заметно нервничал. Я подошла ближе, Артур остановился, глубоко вдохнул и повернулся ко мне.

– Здравствуй, Бон.

– Здравствуй, Артур. Что-то случилось?

– Да, – отрезал он. В глазах парня читалась тревога. – Ты помнишь Вайборна Спенсера?

Меня прошиб холодный пот.

– Да, – прошептала я.

Артур протянул руку и взял пуговицу, висящую у меня на шее. Он распахнул плащ, и я увидела на его шее медальон похожей формы, но он был больше похож на оттиск моего. Артур осторожно приложил две стальные фигурки друг к другу.

– Артур, я ничего не понимаю. Откуда это у тебя? – я почувствовала тошноту, ноги подкашивались, голос дрожал.

– Пойдем, мне нужно многое тебе рассказать.

На ватных ногах я шла за Артуром Хопсом неизвестно куда и знала, что пришло время узнать нечто страшное и таинственное, что в то же время даст мне ответы на множество вопросов.

Мы пришли в заброшенный дом в лесу у озера. Артур достал ключи и открыл старую дряхлую дверь. Когда мы вошли внутрь, я увидела на стене три фотографии: мою, Вайби и моего отца. Я смотрела на стену со знакомыми лицами, и в голове моей появлялся вопрос за вопросом, но парень прервал мои размышления:

– Когда твой отец был ребёнком, он попал в аварию вместе с родителями. Они погибли, Якобу же удалось спастись. В лесу неподалёку от места происшествия его нашла старушка, которую звали Миссис Андерс. Она работала медсестрой в больнице неподалёку.

По моей спине побежал холодный пот. Артур продолжал:

– Миссис Андерс подарила твоему отцу медальон в форме пуговицы, внутри которого было маленькое зеркало, взяв с него обещание, что тот снимет его только тогда, когда встретит человека с чистым сердцем, которому нужна будет помощь. Таким образом он должен был отплатить Миссис Андерс за её заботу, доброту

и помощь. Твой отец всю жизнь свою не снимал этого медальона. Когда тебе было четыре года, ты потерялась. Твоя мама только на минутку отвернулась, чтобы поздороваться с соседкой, а ты уже куда-то сбежала. Хотя мама и понимала, что ты не могла уйти далеко, она страшно испугалась и бросилась тебя искать. Она оббегала всё вокруг, но тебя нигде не было. И тут она услышала твой крик. Она бросилась на звук, молясь, чтобы ты просто наткнулась на так нелюбимых тобой в детстве бабочек, но, когда она выбежала из аллеи, она увидела страшное: ты висела на краю обрыва, а ровно под тобой расстилалась заброшенная стройка. Если бы ты упала, то... – Артур замолк на секунду, а потом снова заговорил: – ты не упала только благодаря одному: за руку тебя держал двенадцатилетний мальчик. Этим мальчиком был...

– Вайборн Спенсер. – Со слезами на глазах выдохнула я.

– Верно. Тогда его вообще не должно было оказаться рядом. Он сбежал из детского дома в тот день, чтобы увидеть, как живут обыкновенные дети. Здоровые. Вайборн Спенсер медленно умирал, шансов не было никаких.

– Он спас мне жизнь... – я сползла по стене, тупо уставившись перед собой.

– Твоя мама привела вас домой. Там Вайби рассказал твоему папе, что жить ему осталось, по словам врачей, меньше года. И тогда Мистер Тайлер понял, о ком говорила пожилая Миссис Андерс. В тот же вечер в качестве маленького подарка пуговица перекечевала на шею Вайби. – Артур замолчал и впился глазами в фотографии на стене. Я сжала пуговицу, висющую у меня на шее, в кулак.

– Артур, что такое эта пуговица? Как и почему она попала ко мне? И... – я запнулась.

– Как я связан с ней? – закончил мой вопрос Хопс, глядя мне в глаза.

– Расскажи мне, – прошептала я.

– Только не бойся и не кричи, – прошептал он мне в ответ.

Артур медленно расстегнул длинный плащ, и, повернувшись спиной ко мне, медленно опустил его на пол. Вдоль всего его тела висели огромные чёрные крылья, на которых красовался невероятных размеров ожог. Я зажала себе рот руками, чтобы не завопить во весь голос. Артур повернулся ко мне, присел на корточки напротив меня и виновато посмотрел мне в глаза.

– Я не мог больше молчать. Ты боялась меня, полжизни винила меня в том, что произошло с твоими родителями, боялась спать по ночам. Я бы рассказал раньше, но ты бы не поняла, не поверила бы, не вынесла бы...

– Расскажи мне всё. – Я понимала, что я не знаю чего-то важного, возможно самого главного.

– Эта пуговица досталась Миссис Андерс от её бабушки, потомственной ведьмы. Точно так же, как и её силы. Когда старуха умирала, Миссис Андерс, будучи подростком, подошла к её кровати и взяла её за руку. В тот момент всё и произошло. Пуговица оказалась в ладони девочки, как и тёмная сила, которая раньше была подвластна только старой ведьме. Напоследок она успела лишь рассказать, где, с помощью этой монеты, можно найти Хорра.

– Хорр?

– Это моё имя, Бон. Моё настоящее имя. – Парень опустил голову ниже.

– Продолжай.

– Миссис Андерс нашла меня, воспользовавшись советом своей бабки. А вместе со мной она нашла книгу, в которой было сказано, что выкупить душу моего создателя можно только одним путём: никогда в жизни не воспользоваться силой во вред кому-либо. И трижды помочь Хранителю спасти безвинную душу. Вайби отдал Хранителя тебе.

– Почему?

– Твой отец сделал многое, но иногда и такого недостаточно. Вайборн Спенсер умирал, против Смерти не пойдёт даже такая сила, которую я храню.

– Но если это правда, почему ты был там в ту ночь, когда погибли мои родители? Твоим хозяином ведь был Вайби.

– Потому что... – парень запнулся, подбирая слова. – Потому что я любил тебя с самого твоего рождения.

– Любил? – я вытаращила на него свои заплаканные глаза.

– И люблю. Не так, как любят люди. Это гораздо более страшное чувство.

Мы молча смотрели друг на друга. Я – не понимая, что происходит, он – ожидая моей реакции.

– Моя душа, – начал говорить Артур, – заключена в пуговице, висящей на твоей шее. Ты вольна делать со мной всё, что ты пожелаешь. Душа старой ведьмы отмыта от той грязи, в которой её выкупала чёрная сила. Последняя жертва, Миссис Андерс, жива, пока жив я. А я жив, пока зеркало в пуговице на твоей шее не разбито.

Я открыла медальон и посмотрела в маленький кусочек стекла, расположенный в сердце милой побрякушки. Медленно я сняла с себя дорогой сердцу подарок милого Вайби, в последний раз прижала его к груди и протянула существу, сидящему напротив меня:

– Возьми её, Артур. Или Хорр. Хранитель. Не важно. Возьми её.

– В каком смысле? – Лицо Хранителя исказилось ужасом. – Это – единственная твоя защита! Тебе нельзя с ней расставаться. Тебе нельзя расставаться со мной!

- Ты сказал, что я могу распоряжаться этим так, как я посчитаю нужным. Возьми его, прошу тебя.
- Я не могу. – Артур отстранился.
- Это приказ, Хранитель. Это моё желание. Моя воля.
- Бон, ты понимаешь, что ты отпустишь меня навсегда?
- Да, – уверенно сказала я.
- И ты понимаешь, что я буду свободным?
- Да, – шепотом повторила я.

Артур протянул мне руку ладонью вверх. Когда пуговица коснулась его кожи, старое помещение озарил яркий свет, а когда он погас, я была одна. Я понимала, что звать его бесполезно, потому что рядом его нет.

9

Привет.

Меня зовут Бони Тайлер, и мне снится, как Хранитель ложится в ногах калачиком и тихо урчит. Его длинный хвост свисает с кровати, узкой тенью разделяя комнату на две части. Большие когтистые чёрные лапы устраиваются чуть ниже моих колен, одна на одну, подпирая мощную хищную морду с умиротворённо закрытыми большими глазами. Блестящий чёрный нос подёргивается, пытаюсь уловить незнакомые запахи. Его дыхание тихо и размерено. Он спит.

Спокойной ночи, Хранитель. Хорр. Артур Хопс.

Эпилог

Каждый из нас хоть раз в жизни попадал в ситуацию, когда нужно было уметь отпустить. И, к сожалению, далеко не каждому дана власть над собой, позволяющая подарить другому крылья в обмен на свои. И пускай каждый знает, что держать порой больше, чем отпустить, человеческая глупая натура редко мирится с тем, что не всегда то, чего мы сильно хотим, на самом деле нам нужно.

Любите, летайте, дарите, и наградой за Вашу бескорыстную чистую любовь станет счастье в горящих глазах Хранителя. И не важно, опалил ли огонь его крылья.

ЮЛИЯ КАМИЛОВА

ЗОВ ПОБЕДЫ

Впервые выдался тихий вечер без бряцания металла и звука падающих стрел. Земля и небеса были спокойны, только люди у костра сидели в напряжении. Воины отвыкли от тишины и покоя, которые теперь казались нереальными.

– София, а спой нам песню? – попросил совсем ещё юнец, на котором и шлем не держался. Всё норовил упасть, закрывая при этом его лучезарные, полные надежды глаза.

– Спою, если ты, наконец, снимешь это шлем, – с весельем в голосе ответила она, осмотрев их военный лагерь. Казалось, палаткам и кострам конца и края нет, но София знала, что это не так. В последнее время их войско потеряло немало хороших воинов, и напряжение, повисшее над лагерем, не разрезало бы самое острое лезвие, закалённое дыханием дракона. – Тебе этот шлем ни к чему у костра. Расслабься, Микки, а спою я одну древнюю песню, которую мне передала бабушка.

Лица воинов преисполнились предвкушением, и они обратили всё своё внимание на хрупкую девушку, которая совсем не подходила этому месту. Каждому в лагере хотелось унести её прочь от войны, уберечь от ужасов, которые следовали по пятам. Но это было невозможно. Рано или поздно война настигала всех и везде, а здесь мастерство менестреля пришлось как нельзя кстати.

София любовно провела по резной поверхности арфы. Мгновение – и лёгкая песня полилась из самого сердца менестреля. Голос Софии достигал каждого уголка душ, обречённых на смерть, и осторожно зажигал лёгкую надежду, которая грела суровых мужчин. Только под её стройный голос воины расслаблялись и после песни снова чувствовали себя живыми. Когда смолкали последние ноты, мужчины оживлённо начинали говорить кто о чём. Кто-то вспоминал о родительском доме, кто-то о жене с детьми, а кто-то просто говорил о том, как было весело воровать яблоки и груши из соседского сада.

Спрятав арфу за спиной, София заметила у шатра принца хмурого воина, который не сводил с неё задумчивого взора. Когда же она встала напротив него, он ровным голосом спросил:

- И всё равно я не понимаю, зачем ты увязалась за нами. Война – это не женское дело.
- Гарнет, ты же прекрасно знаешь, что здесь я нужнее. Ты только посмотри на них теперь.

Она обернулась на оживлённых воинов, которые смеялись над чей-то удачной шуткой. В них больше не было той безысходности и печали, что была ещё совсем недавно.

- Разве это не стоит того?

– Может, ты и полезна, менестрель, но ты больше обуза, чем помощь, – сурово ответил он, скрестив руки на груди. – Твоя арфа слишком тяжёлая. Из-за неё ты не сможешь вовремя сбежать с поля боя в случае опасности...

– А что уже существует такая опасность? – с любопытством спросила София, заглядывая в карие глаза Гарнета.

– Нет, пока нет. Но это может случиться в любой момент. Ты понимаешь это, менестрель?

София лишь поморщилась от этого обращения, но не стала его поправлять. Гарнет упрямо продолжал так её звать, и она догадывалась почему.

– Понимаю, но это не значит, что я тут же соберу свои вещи и покину лагерь. Нет. Раненым я тоже нужна. И не смей даже отрицать это, Гарнет.

– Я не отрицаю, но...

– И слушать не хочу. Этот разговор повторяется снова и снова уже на протяжении полугода, как я с вами. И я знаю каждый твой довод, так что я не хочу слышать это снова. Уж уволь.

В её глазах пылала ярость, которая смягчила мужчину. Его карие глаза, подобно тягучему шоколаду, тепло смотрели на неё, но с губ сорвалась очередная колкость.

– Так не стоило подходить ко мне, менестрель, ведь я же так предсказуем. Чего ты от меня ждала? Что я вдруг подobreю и скажу, как нам повезло с тобой?

София замерла от слов, которые не приносили ни капли радости. Каждое слово отравляло, растекалось жгучим ядом по венам.

– Ты здесь лишь потому, что воинам по душе твои незамысловатые песенки. А также ты им напоминаешь либо дочь, либо сестру, либо мать, которых они оставили дома. Лишь поэтому ты всё ещё здесь. Лишь поэтому, а в общем без оружия ты бесполезна, – подвёл черту Гарнет, смотря на Софию. Она была ошарашена лишь на миг, а затем на её лице расцвела искренняя улыбка.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать? – она придвинулась к нему так близко, что он смог почувствовать кожей её ровное и спокойное дыхание. – Ты просто заботишься обо мне, вот и злишься.

Гарнет не успел среагировать на её неожиданные слова, как София уже ушла к Микки, который сильно жестикнул ей. А затем они громко рассмеялись. Гарнет нахмурился, но чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо.

– Ну что? Утёрла тебе нос, София, – сказал принц. – Боевая девушка, а ты с ней так.

– Ваше Высочество, вам бы стоило отдохнуть перед завтрашним днём. Враги уже близко и...

– Да-да, мой самый лучший и занудный полководец, но я бы на твоём месте пересмотрел своё отношение к Софии, – произнёс юноша, который удивлял Гарнета своей не по годам развитой мудростью. – Ведь завтра может и не быть времени объясниться.

– Я не понимаю, о чём вы говорите, Ваше Высочество, – сухо ответил Гарнет, не сводя глаз с Микки и Софии, которые по-прежнему о чём-то оживлённо говорили.

– Безусловно. Куда мне, юнцу, за вами поспеть, – улыбнулся принц и скрылся в своём шатре.

Гарнет фыркнул и зашёл следом за престолонаследником. Им ещё предстояло продумать тактику боя, снова и снова выискивая наилучший вариант. Им нужно было вырвать победу любой ценой.

Яркий свет солнца слепил. Стоило Софии только открыть глаза, как она увидела тысячи стрел, летящие на неё. Животный крик вырвался из её горла, девушка вскочила с импровизированной постели. Тяжело дыша и осматривая ночной лагерь, она только сейчас поняла, что это был всего лишь сон.

– Это всего лишь...

– Кошмар, – продолжил за неё знакомый голос, в котором не было уже ни злости, ни раздражения.

– Да, Гарнет. Именно он, – София села рядом с мужчиной, который смотрел в костёр. Блики огня освещали красивое и расслабленное лицо Гарнета.

– А тебе часто снятся кошмары?

– На самом деле каждую ночь, – задумчиво ответил он.

– И что же снится тебе?

– Раненые, трупы, бесчисленные пожары... – устало перечислял Гарнет ужасы войны. Его лицо было словно камень, но сейчас маска крошилась, и в его карих глазах София впервые увидела боль. – Сестра и мать погибли в одном из пожаров, пока я был в здесь, в лагере...

– Мне жаль, – произнесла София. – Правда жаль. Мы все теряем кого-то близкого и любимого в этой беспощадной войне.

– А кого потеряла ты? – Гарнет внимательно следил за каждым движением девушки, будто проверяя, что она не мираж, не иллюзия.

София горько улыбнулась. Она потянулась к русым волосам мужчины и убрала прядь, упавшую на глаза, которую он до этого момента не замечал. Он всё ждал, когда София заговорит, но вместо этого она лишь нежно провела рукой по его щеке. Пальцы коснулись шрама, который давно не причинял боль, но сейчас он пылал. Пылал от её прикосновений.

– Я потеряла дом, – тихо заговорила София, словно подражая лёгкому дуновению ветра. – Они ворвались в мою деревню и вырезали всех, кто был. Женщин, детей и стариков – всех убили. Не щадили никого. А я... в тот момент я сдавала экзамен в Академии менестрелей и пела песню во славу героев. Тогда, когда их убивали, я просто пела... И этим пением я никого не спасла тогда... Никого...

Гарнет накрыл своей сухой и сильной ладонью её руку. София была на грани, от которой он отвлекал её. Сейчас слёзы только ослабили бы её.

– Послушай меня внимательно. Тогда ты ничего бы не изменила даже, если бы была там. Тебя бы просто прирезали вместе с остальными, – Гарнет осторожно сжал её пальцы и опустил её руку. Она же смело переплела их пальцы, всё больше и больше ощущая обжигающее тепло воина. – Здесь же ты спасла множество душ своим пением. Ты вселила в людей надежду, а что это как не спасение?

– Не знаю...

– Зато я знаю. Я скажу это лишь однажды, но ты нужна здесь. Нужна в этом лагере. Нужна ... им, – София заметила заминку в последней фразе мужчины и чуть улыбнулась. – А теперь ложись спать. Завтра предстоит тяжёлая битва, которая положит конец этой глупой войне.

Гарнет был прав. На следующий день разразилась самая кровопролитная битва за все годы войны. Кровь была повсюду: на доспехах, на лезвиях, на лицах и руках. София давно утратила чувство брезгливости, но сегодня её снова мутило, как впервые, когда она увидела отрезанную голову. Но было не до этого. Она тянула раненого парня, который захлёбывался собственной кровью к целителям. Последний хрип, и в этом уже отпала необходимость. София осторожно положила его на землю и тут же бросилась к новому бойцу, не обращая внимания на грады стрел над головой.

В такой суматохе и в полусне от усталости прошла неделя. Воины были на пределе, и уже никто не надеялся на победу. Многие уже всерьёз подумывали о дезертирстве, но что-то их ещё держало на месте. Возможно, страх не настолько овладел воинами, чтобы уничтожить глас совести и ответственности.

София чувствовала, что скоро их силы кончатся, ведь она сама чуть не валилась с ног. Да и войска противника отрезали все пути отступления. Теперь им оставалось только умереть с честью, как говорили опытные воины.

– Ваше Высочество, мы должны попробовать вывести вас из окружения. Вы престолонаследник и...

– Гарнет, – принц поднял руку, останавливая речь полководца. – Если нам предрешено погибнуть, то я погибну вместе со своим войском.

София затаила дыхание, ведь она подслушивала разговор у шатра принца, и ей крайне не хотелось выдавать своё присутствие.

– Вы понимаете, что это безумие? – спросил Гарнет, в голосе которого звучали ноты неодобрения. – Кто возглавит королевство?

— Я считаю, что королевству не нужен такой король, который в случае опасности предаст свой народ и сбежит подобно псу, поджавшему хвост. Такого я не допущу. Гарнет, нет, и это моё последнее слово.

В шатре повисло молчание, и София поторопилась уйти подальше от шатра, но никто не вышел. Видимо, мужчинам нужно было обсудить и другие моменты битвы.

Противник, не дожидаясь ночи, снова наступал. Он решил добить уставшее войско, которое значительно уменьшилось за неделю непрерывных сражений. Паника посеялась в некоторых рядах, и, наконец, часть воинов побежала. Побежала прочь от этой битвы. Прочь от смерти, которая дышала им в спины. Град стрел уменьшил этот поток. Множество сбежавших теперь лежали на земле без движения. На их лицах застыла маска ужаса, которую теперь не снять никогда.

София не следила за Гарнетом и принцем, но была уверена, что они уже в самой гуще. Горн трубил о наступлении, но паника и страх по-прежнему царили в лагере. Все оцепенели. Они устали сражаться. Они больше не хотели сражаться. Они не желали становиться героями посмертно.

«Тогда это сделаю я», – пронеслась шальная мысль в голове Софии. Осторожно поставив арфу на землю, она сняла с себя кожаный доспех, обувь и распустила свои черные шелковистые волосы, которые доходили до талии. Она не чувствовала холода, в её душе не было страха. Она лишь желала пройти, как можно больше под градом стрел, прежде чем её грудь пробьют железные наконечники.

Арфа, как старый друг, приветствовала Софию переливом струн, а затем, с первым запетым словом, девушка зашагала на бегущих с мечами врагов. Её песня призывала воинов восстать из пепла и защитить свой родной дом. И с каждым шагом голос становился всё сильнее, заставляя мужчин смотреть на неё.

– Герои, воспряньте же духом, наставьте мечи на врагов, – София оказалась в центре поля, где кроме неё были лишь трупы. Противники заметили её и застыли.

Чёрные волосы развевались на ветру, а голос был подобен пению самих небес. Кто-то прошептал «ведьма».

– Кто-нибудь уберите менестреля с поля боя! – закричал всегда спокойный Гарнет, но теперь это спокойствие вдребезги разбилось о скалы. – Уберите её сейчас же!

– Герои, воспряньте же духом, наставьте мечи на врагов, – София же не остановилась ни на миг. Ступни были в крови, и уже было неясно, где была её кровь, а где кровь трупов, по которым она шла.

– Вперёд! – закричал один и помчался за Софией.

– Что мы за мужики такие. Пустили женщину в бой, да ещё с чем? – другой воин нервно рассмеялся. – С арфой!

– В бой, мои воины, — закричал воодушевлённо принц. — Мы под охраной Ангела Софии, а значит нам ничего не страшно.

Принц поскакал вперёд на вороном скакуне, который был похож на демона в лучах заходящего солнца. Воспрянувшая духом армия наступала с новой силой. Враг не ожидал такого сопротивления. София улыбалась. Перевес теперь был на их стороне.

– София! – крикнул Гарнет, на всех порах скача к ней, а она с улыбкой обернулась на его выкрик.

– Ты, наконец-то, назвал меня Софией... – Стрела вонзилась в её тело. Девушка рухнула, и арфа выпала из её рук.

Сильные руки подхватили её и заставили посмотреть на обеспокоенное лицо Гарнета. Он один, казалось, был готов уничтожить всё войско врагов.

– Дура. На кой дракон тебе надо было лезть? – говорил он, осматривая рану. — Ты знаешь, что могла погибнуть?

– А разве я уже не мертва? – рассеянно спросила София.

– Нет! С чего ты это вообще взяла...

– Потому что ты назвал меня Софией... – ответила она так тихо, что Гарнету пришлось наклониться, чтобы расслышать её слова. – Поэтому я и подумала, что я уже в раю...

– Глупая ты моя, София, глупая, – он чуть улыбнулся, а затем добавил: – Я думал, что потерял тебя. А у тебя просто ранение в плечо. Ты знаешь, как ты меня напугала?

– Нет, Гарнет. Я не знаю. – С помощью мужчины она смогла сесть и увидеть стрелу в правом плече. – А это не так страшно выглядит, как чувствуется.

– Смотрится поистине ужасно, София. Поверь мне. У меня чуть сердце в пятки не ушло, и вообще кому-то к целителям надо, – Гарнет поднял девушку на руки, как вдруг получил неожиданное сопротивление. – Ты чего?

– Поставь меня на место. Я сама доберусь. И не надо мне твоя притворная забота, – София злилась и злилась она не беспричинно. – То ты на меня внимания не обращаешь. Называешь постоянно «менестрелем», а теперь вдруг такая забота? Тебе самому не смешно, Гарнет? Хватит издеваться надо мной... – она обмякла в его руках, лицо мужчины перекосилось от страха.

– София, свет мой, пожалуйста, давай выясним всё потом. Тебе нужно лечение, иначе... – он уже бежал обратно в лагерь, – я тебя потеряю навсегда.

– А разве ты почувствуешь что-то от моей смерти? – затаив дыхание, спросила София.

– Да.

– Почему? – она боялась услышать ответ, но в тоже время и страстно желала его.

– Потому что я люблю тебя, – Гарнет остановился и коснулся её губ. – Это достаточный довод для тебя?

– Да... – София улыбнулась и позволила дальше нести себя к целителям. – Гарнет...

– М-м?... Он прислушивался к её дыханию, будто оно может остановиться в любой момент.

– А ты мою арфу не захватил? – весело спросила она, наблюдая за сменой эмоций на лице мужчины.

– София, ну ты, конечно, и менестрель, – беззлобно воскликнул он, а затем рассмеялся. – Я тебе в любви признался, спас от верной гибели и...

– И я тебя люблю, – мягко сказала София.

– ... тут ты со своей арфой, – продолжал Гарнет, как до него дошёл смысл сказанного. – Что?

– Люблю. Тебя.

Она посмотрела в его глаза с редкой любовью и надеждой в глазах, а затем её унесли целители.

Арфа Софии чуть позже была найдена Гарнетом и вручена лично в руки хозяйке. Странно было то, что сам инструмент в ходе битвы несколько не пострадал.

Победа в затяжной войне была на стороне их королевства. Жизнь приходила в привычное русло, и теперь Софии не приходилось петь песни в лагере. Теперь другие слагали песни о ней – о героине Акширского королевства, о девушке, вдохновившей на победу, о менестреле, не побоявшемся смерти.

ПЕРЕВОДЫ

ДАНІЭЛЬ КЕЛЬМАН

МОРА

(урывак з рамана “Вымярэнне свету”)

Аляксандр фон Гумбальт праславіўся на ўсю Еўропу, дзякуючы экспедыцыі ў трапічныя лясы, якую ён зладзіў дваццаць пяць гадоў таму. Ён пабываў ў Новай Іспаніі, Новай Гранадзе, Новай Барселоне, Новай Андалузіі і ў Злучаных Штатах, адкрыўшы прыродны канал паміж Арынока і Амазонкай, скарыўшы самую высокую гару вядомага света, назбіраўшы тысячы відаў раслін і сотні жывёл, некаторых жывых, але па большасці мёртвых, веў гутаркі з папугаямі, выкапваў трупы, вымерыў кожную раку, гару і возера, забраўся ў кожную дзірку ў зямлі і скаштаваў болей ягад і ўскараскаўся на болей дрэваў, чым хто-кольвек мог сабе ўявіць.

Ён быў малодшым з двух братоў. Іх бацька, заможны мужчына з дробнай шляхты, рана сыйшоў з жыцця. І як надалей выходзіць сыноў, маці тады спыталася не ў каго іншага, як Гётэ.

Братэрская пара, адказаў той, у якой, маўляў, так яскрава акрэслена размаітасць чалавечых памкненняў, дзе, такім чынам, багатыя магчымасці робяцца найдасканалейшай рэчаіснасцю дзеля дзейнасці і асалоды, маўляў, на самой справе гэта ёсць толькі спектаклем, падробкай, каб запоўніць сэнс надзеяй і дух усялякімі развагамі.

Гэты сказ ніхто не зразумеў. Ні маці, ні яе мажардом Кунт, хударлявы спадар з вялікімі вушамі. Ён мяркуе, спетрыўшы, урэшце сказаў Кунт, што гаворка вядзецца пра эксперымент. Дзей, аднаго трэба выхаваць чалавекам культуры, а другога чалавекам навукі.

І куды ж якога?

Кунт паразважаў. Потым ён пацпенуў плячыма і прапанаваў падкінуць манетку.

Пятнаццаць даражэзных экспертаў чыталі для іх лекцыі ўніверсітэцкага ўзроўню. Малодшаму брату – хімію, фізіку, матэматыку, старэйшаму – старажытныя мовы і літаратуру, абодвум – грэчаскую, латынь і філасофію. Па дванаццаць гадзін на дзень, сем дзён на тыдзень, без перапынку і канікул.

Малодшы брат, Аляксандр, быў хваравіты і нешматслоўны, яго на ўсё трэба было падахвочваць, а яго адзнакі заставаліся пасрэднымі. Застаўшыся сам-насам, ён блукаў па лясах, збіраў жучкоў і раскладваў іх паводле выдуманых ім самім сістэмах. У дзевяць гадоў ён змайстраваў маланкаадвод, вынайздзены Бенджамінам Франклінам, і прыладзіў яго на дах замка, у якім яны жылі непасрэдна ад сталіцы. Наогул ён стаўся другім у Германіі; першы месціўся ў Гётынгене на даху прафесара фізікі Ліхтэнберга. Толькі ў гэтых двух месцах не баяліся неба.

Старэйшы брат паходзіў на анёла. Ён размаўляў, як паэт, і рана пачаў пісаць разумныя не па гадах лісты найслыннейшым мужам краіны. Хто б не ўбачыў яго, ледзь стрымліваў сваё захапленне. У трынаццаць гадоў ён валодаў двума мовамі, у чатырнаццаць – чатырма, а ў пятнаццаць – сямю. Яго ніколі не каралі, ніхто не мог прыгадаць, каб ён нешта зрабіў не так. З англійскім амбасадарам ён размаўляў пра гандлёвую палітыку, а з французскім – пра небяспеку бунту. Аднаго разу ён замкнуў малодшага брата ў шафе ў самым далёкім пакоі. А калі назаўтра яго там знайшоў слуга напалову непрытомным, той запэўніў, што зачыніў сябе сам; ён ведаў, што праўдзе ніхто не паверыць. Наступным разам у сваёй талерцы ён заўважыў белы парашок. Ён ужо даволі добра кеміў у хіміі, каб пазнаць пацучыную атруту. Дрыготкімі рукамі ён адсунуў талерку. З другога канца стала загадкава светлымі вачыма на яго з павагай пазіраў старэйшы.

Замак, бясспрэчна, насялялі прывіды. Нічога асаблівага, адныя толькі крокі ў пустых калідорах, дзіцячы плач бездайпрычыны, а часам нейкая здань мужчынскага роду гаркавым голасам прапаноўвала набыць у яе матузкі на чаравікі, маленькія дзіцячыя магніцікі альбо шклянку ліманаду. Большую за прывідаў жудасць наводзілі гісторыі пра іх: Кунт даваў хлопчыкам пачытаць кнігі, у якіх апавядалася пра манахаў, раскапаныя магільні, пра рукі, якія выцягваліся з глыбіні, пра эліксіры, звараныя ў пекле, і пра спірытычныя сеансы, на якіх памерлыя размаўлялі з акамянелымі ад страху слухачамі. Гэта толькі-толькі ўвайшло ў моду і ўсім было ў навінку, і таму людзі не паспелі пакуль да ўсяго прызвычаіцца. Гэта неабходна, заявіў Кунт, сустрэча з цемрай, маўляў, з'яўляецца часткай сталення, то бок калі хто не зведае метафізічнага страху, той ніколі не стане немцам. Аднаго разу ім сустрэлася гісторыя пра Агірэ-Вар'ята, які зрокся свайго караля і абвясціў сябе кайзэрам. Са сваімі людзьмі ён падаўся ў неверагоднае вусцішнае падарожжа па Арынока, чые берагі пазарасталі так шчыльна, што на зямлю немагчыма было ступіць. Птушкі выкрыквалі словы на мовах вымерлых народаў, а ўзняўшы вочы ў неба, можна было ўбачыць адлюстраванне гарадоў, да чыёй архітэктуры, выдывала на тое, спрычынілася рука далёка не чалавечая. У гэтыя мясціны яшчэ не ступала нага даследчыка, надзейнай карты таксама не існавала.

Але ён зробіць гэта, сказаў малодшы брат, ён-ткі паедзе туды.

Ну, вядома, адказаў старэйшы.

Але ж ён сур'ёзна!

Старэйшы сказаў, маўляў, ён гэта зразумеў, і паклікаў слугу, каб засведчыць гэтыя дзень і гадзіну. Дзей(маўляў), калі-кольвечы яны пацешацца, што зафіксавалі гэтае імгненне.

Фізіку і філасофію ім выкладаў Маркус Герц, любімы вучань Імануіла Канта і муж знакамітай прыгажуні Генрыеты. Ён заліваў у шклянны сасуд дзве субстанцыі: імгненне вадкасць марудзіла, а потым адным махам мяняла афарбоўку. Ён пускаў з трубка вадарод, падносіў да рыльца агонь, і пад радасныя крыкі ўзводзіў вялікае полымя. Паўграма, казаў ён, а полымя вышынёй пад дванаццаць сантыметраў. Маўляў, калі каго-кольвечы палюхаюць нейкія рэчы, то ядрэнна было б іх вымярыць.

Раз на тыдзень у салоне Генрыеты збіраліся вучоныя людзі, вялі размовы пра бога і пачуцці, крыху плакалі, пісалі адзін аднаму лісты і называлі сябе звязам дабрадзейства. Усе ўжо забыліся, хто прыдумаў гэту назву. Іх гутаркі мусілі трымацца ў сакрэце; але астатнім сябрам звязу адкрыта і з падрабязнасцямі расказвалася пра ўсё, што шчыме на душы. Калі каму нічога на душы не шчыме, той мусіў што-кольвечы для гэтага прыдумаць. Два браты сталіся самымі юнымі. Гэта таксама неабходна, сказаў Кунт, і ім ні ў якім разе нельга прапускаць ніводнай сустрэчы. Маўляў, гэта спрыяе адукацыі душы. Ён настойліва прымушаў іх пісаць Генрыете. Грэбанне сентыментальнай культурай на ранняй фазе жыцця, кажа, можа пазней выліцца ў непрыемныя наступствы. Само-сабою зразумела, што ўсё напісанае паказвалася яму. Як таго і чакалася, лісты старэйшага брата былі лепей.

Генрыета ветліва ім адказвала нясмелымі дзіцячымі пісьмамі. Ёй самой было толькі дзевятнаццаць. Кніга, якую ёй падараваў малодшы брат – "Чалавек-машына" Ламетры – вярнулася назад непрачытанай. Бо гэта забаронены твор, брыдкі памфлет. Яна, дзей, не адважыцца яго нават адкрыць.

Тады шкада, сказаў малодшы брат старэйшаму. Бо гэтая кніга вартая ўвагі. Аўтар сур'ёзна сцвярджае, што чалавек ёсць машына, аўтаматычна рухомы механізм найвышэйшага майстэрства.

І без душы, адказаў старэйшы. Яны ішлі замкавым паркам; голыя дрэвы пакрываў тонкі пласт снегу.

Не, запярэчыў малодшы. З душой. З разуменнем і паэтычным пачуццём неабсяжнасці і прыгажосці. То бок сама гэтая душа ёсць толькі частка механізма, прычым найскладанейшая яго частка. Ён і пытае сябе, ці не адпавядае гэта рэчаіснасці.

І ўсе людзі машыны?

Мажліва, не ўсе, разважліва сказаў малодшы. Але ж мы дакладна.

Ставок замёрз, сутонне позняга вечара пафарбавала снег і лядзяшы снім. Старэйшы сказаў малодшаму, ён мае яму штосьці паведаміць. Дзей, за яго хвалююцца. Гэтая ягоная маўклівая манера, ягоная замкнёнасць. Дый поспехі на занятках марудныя. Над імі абодвума прыпадае і ставіцца вялікі эксперымент. То бок ніхто з іх не мае права адступіць. Ён імгненне памаўчаў. Між іншым лёд ужо зусім зацвярдзеў.

Сапраўды?

Але ж вядома.

Малодшы кінуў, набраўся паветра і ступіў на возера. Ён падумаў, ці варта яму прадэкламаваць Клопштакаву оду канькам. Раскінуўшы ўшыркі рукі, ён праслізгаў да сярэдзіны. Там ён перакруціўся вакол сябе. Ягоны брат, злёгка адхіліўшыся, стаяў на беразе і пазіраў на яго.

Раптам усё навокал сцішылася. Ён перастаў бачыць, а холад амаль пазбавіў яго пачуццяў. Толькі цяпер ён зразумеў, што знаходзіцца пад вадой. Ён задрыгаў нагамі. Галава ляснулася аб нешта цвёрдае, лёд. Мехавае шапка зляцела і адплыла, валасы сталі дыбкі, ногі закалаліся на дне. Вочы прызвычаліся да цемры. Імгненне ён сузіраў застылы пейзаж: дрыготкія сцябліны і па-над імі багавінне, празрыстае, нібы вэлом, самотная рыбіна, вось яна тут і раптам ужо знікла, як падман зроку. Ён зрабіў колькі плавальных рухаў, узняўся і зноў натрапіў на лёд. Прышло разуменне, што жыць яму засталіся лічаныя секунды. Ён пачаў абмацаваць усё навокал, і калі паветра болей ужо не засталася, заўважыў над сабой цёмную пляму, праломіна; ён вырваўся наверх, часта задыхаў і выплюнуў вадку, вострыя акрайкі лёду рэзалі яму рукі, ён вылез вонкі, распластаўся, выпрастаў ногі і, задыхаючыся і ўсхліпваючы, нейкі час так праліжаў. Потым ён перавярнуўся на живот і папоўз да берага. Брат як і раней стаяў адхіліўшыся, рукі ў кішэнях, шапка нацягнутая на твар. Ён працягнуў руку і дапамог яму ўзняцца.

А ноччу пачалася ліхаманка. Да яго даносіліся галасы, якія належалі невядома каму: ці то зданям з ягоных сноў, ці то людзям, якія знаходзіліся ля яго ложка, – і ўвесь час ён адчуваў ільдзісты холад. Нейкі мужчына вялізнымі крокамі адмерваў пакой сюды-туды, магчыма, лекар, мужчына казаў, ну давай жа, атрымаецца ці не, гэта рашэнне, трэба толькі пераказаць, так? А калі ён хацеў адказаць, ён ужо забываў, пра што гаварылася, замест гэтага ён бачыў распасцёртае ўшыркі мора пад электрычна пульсуючым небам, і калі ён зноў расплюшчыў вочы, была ўжо сярэдзіна другога дня, зімовае сонца блякла вісела ў вакне, а яго ліхаманка адступіла.

Ад таго часу яго адзнакі палепшыліся. Ён сканцэнтравіўся на працы, і ў яго з'явілася звычка падчас разважання сціскаць кулак, быццам ён мусіць адолець ворага. Генрыета яму напісала, што ён перамяніўся, нібы зараз ён яе крыху палюхае. Ён папрасіў дазволу правесці ноч у пустым пакоі, з якога найчасцей былі

чуваць начныя гукі. Наступным ранкам ён хадзіў бледны і маўклівы, а на ілбе намалявалася першая вертыкальная зморшчынка.

Кунт вырашыў, што старэйшы брат мусіць вывучаць права, а малодшы – камералістыку. Вядома, ён паехаў разам з імі ва ўніверсітэт у Франкфурт-на-Одэры, там ён разам з імі хадзіў на лекцыі і сачыў за іх поспехамі. Гэта быў дрэнны ўніверсітэт. Калі хто-кольвечы нічога не ўмеў і хацеў стаць доктарам, пісаў старэйшы брат Генрыце, таму толькі і трэба што пайсці да іх. Таксама невядома з якіх прычын, у калегіуме, жыў вялікі сабака, які толькі і рабіў што скрэбся ды гаўкаў.

У батаніка Вільдэнава малодшы брат упершыню ўбачыў засохлыя трапічныя расліны. Яны мелі шчупальцападобныя парасткі, пупышкі, якія нагадвалі вочы, і лісты, якія звонку на дотык былі быццам чалавечая скура. Ён нібы бачыў іх у снах. Ён разразаў іх, дакладна іх занатоўваў, правяраў іх рэакцыю на кіслоты і асновы і беражліва вырабляў з іх прэпараты.

Ён сказаў Кунту, маўляў, зараз ён ведае, чым хоча заняцца. Жыццём.

Ну, з гэтым ён пагадзіцца не можа, сказаў Кунт. На свеце маюцца і іншыя рэчы, чымся простае існаванне. А існаванне не змяшчае толькі адно жыццё.

Той адказаў, што так не лічыць, што ён хоча вывучыць жыццё, зразумець гэтую дзіўную ўпартасць, з якой яно ахутвае зямны шар. Ён хоча раскрыць яго намеры!

Тады, маўляў, ён можа застацца і вучыцца ў Вільдэнава. У наступным семестры старэйшы брат паехаў вучыцца ў Гёттінгенскі ўніверсітэт. Пакуль ён шукаў там першых сяброў, упершыню пакаштаваў алкаголю і крануў жанчыну, малодшы брат напісаў сваю першую навуковую працу.

Кунт сказаў, што яна добрая, але добрая недастаткова, каб надрукаваць яе пад іменем Гумбальта. Дзей, з апублікаваннем трэба яшчэ пачакаць.

На канікулах ён наведваў старэйшага брата. Падчас прыёму ў французскага консула ён пазнаёміўся з матэматыкам Кэстнерам, які даводзіўся сябрам прыдворнаму радцу Цымерману, а таксама з найважнейшым фізікам-эксперыментатарам Германіі, прафесарам Георгам Крыстафам Ліхтэнбергам. Апошні, згорблены, але з беззаганна прыгожым тварам, уяўляў сабою жмут з плоці і розуму, злёгка паціснуў Гумбальту руку і з усмешкай утаропіўся ў яго. Гумбальт запытаўся, ці праўда, што той працуе над раманам.

І так, і не, адказаў Ліхтэнберг з такім позіркам, быццам ён бачыць нешта цалкам утоенае ад вачэй Гумбальта. Твор назывецца "Пра заапазіны", ні пра што не апавядае і наогул ніколі не пабачыць свет.

Гумбальт сказаў, нібы напісанне раманаў яму падаецца шляхетным спосабам захавання для будучыні хуткаплыннасці сучаснасці.

Ага, сказаў Ліхтэнберг.

Гумбальт пачырванеў. Такім чынам, гэта станеца дурной рызыкай, калі пісьменнік, як гэта зараз робіцца модным, месцам дзеяння абярэ ўжо выслізнулае мінулае.

Ліхтэнберг разглядаў яго, прымружыўшы вочы. Не, сказаў ён потым. І так.

Па дарозе дадому побач з месяцам, што толькі выпаўз на неба, браты ўбачылі яшчэ адзін, але крыху большы срэбны дыск. Шар, напоўнены гарачым паветрам, патлумачыў старэйшы брат. Пілатр дэ Разье, супрацоўнік Мангальф'е, маўляў, зараз у Браўншвайгу. Увесь горад толькі пра гэта і гаворыць. Неўзабаве ў паветра змогуць падняцца ўсе.

Малодшы сказаў, што ўсе таго не захочуць. То бок яны вельмі баяцца.

Незадоўга перад ад'ездам ён пазнаёміўся са славутым Георгам Форстэрам, хударлявым мужчынам, які ўвесь час кашляў і меў нездаровы колер твару. Ён разам з Кукам аб'ехаў вакол свету і пабачыў болей, чымся хто іншы ў Германіі; зараз ён быў легендай, ягоную кнігу ведалі ва ўсім свеце, а працаваў ён бібліятэкарам у Майнцы. Ён апавядаў пра драконаў і жывых мерцвякоў, пра на дзіва ветлівых канібалаў, пра дні, калі мора рабілася такім ясным, што падавалася, быццам лунаеш па-над прорвай, пра такія моцныя штормы, падчас якіх нават малітва лічылася за смелы крок. Меланхолія ахінула яго тонкай смугою. Бо ён пабачыў зашмат, сказаў ён. Таму яго справу можна было параўнаць з Адысеем і сірэнамі. Марна было прывязвацца да мачты, нават вызваліўшыся з небяспекі, блізкасць нязведанага працягвае цягнуць да сябе. Ён ледзь можа заснуць, дзей, успаміны вельмі моцныя. Надоечы, кажа, да яго дайшла навіна, што яго капітана, магутнага цёмнаскурага Кука, зварылі і з'елі на Гаваях. Ён выцер лоб і ўтаропіўся на спражкі сваіх чаравікаў. Зварылі і з'елі, паўтарыў ён.

Гумбальт сказаў, што ён сам таксама хоча выправіцца ў падарожжа.

Форстэр кінуў. То бок мала хто гэтага хоча. Але пасля шкадуе кожны.

Чаму гэта?

Таму што ніколі невядома, ці зможаш ты вярнуцца назад.

Форстэр парэкамендаваў яго ў Фрайбергскую горную акадэмію. Абраам Вернер выкладаў сваю тэорыю, быццам знутры зямля халодная і цвёрдая. Маўляў, горы ўзніклі з хімічных асадкаў ў высахлым старажытным акіяне. Вулканічны агонь, кажа, паходзіць ніяк не з нутраных глыбінь, ён узнікае падчас згарання залежаў вугалю, а зямное ядро ёсць цвёрдакаменным. Гэта вучэнне звалася нептунізмам, на яго баку былі абедзве царквы, а таксама Ёган Вольфганг Гётэ. У фрайбергскай капліцы Вернер заказваў паніхіды па сваіх ворагах, якія яшчэ не прынялі ісціны. Адночы ён быў зламаў нос аднаму сумнеўнаму студэнту, а яшчэ аднаму, казалі,

шмат гадоў таму ён быў адкусіў вуха. Ён быў адным з апошніх алхімікаў: чальцом таемных лож, знаўцам знакаў, якім скараюцца дэмань. Ён мог вярнуць знішчанае, зрабіць з дыму спаленае, а з разбітага – цэлае, яшчэ ён размаўляў з д'яблам і вырабляў золата. Аднак разумным ён не падаваўся. Ён адхіліўся назад, заплюшчыў вочы і спытаў Гумбальта, ці з'яўляецца той нептуністам і ці верыць ён у халодны цэнтр зямлі.

Гумбальт запэўніў, што так.

Тады, кажа, ён мусіць ажаніцца.

Гумбальт пачырванеў.

Вернер надзьмуў шчокі, і зрабіўшы змоўніцкую міну, спытаўся, ці мае ён каханую.

Гэта будзе толькі замінаць, адказаў Гумбальт. Жаніцца трэба, калі ад жыцця не хочаш нічога спраўнага.

Вернер уперыўся ў яго.

Ну, так кажуць, паспешаўся Гумбальт. Вядома, рацыі яны не маюць!

З нежанатага мужчыны, сказаў Вернер, ніколі яшчэ не атрымлівалася годнага нептуніста.

За тры месяцы Гумбальт праштудыяваў увесь вучэбны план акадэміі. Ранкам ён па шэсць гадзін праводзіў пад зямлёй, пасля палудня ён слухаў лекцыі, а астатні вечар і паўночы ён праводзіў у падрыхтоўцы да наступнага дня. Сяброў ён не меў, і калі ягоны брат запрасіў яго да сябе на вяселле – маўляў, ён знайшоў жанчыну, тую самую, якая яму пасуе, такую, якой больш не існуе на свеце – Гумбальт ветліва адказаў, што прыехаць не зможа, бо яму бракуе часу. Каб звыкнуцца са страхам абмежаванай прасторы, ён запаўзаў у самыя глыбокія шахты, пакуль той не пачаў адчувацца як несціханы, але выносны боль. Ён праводзіў вымярэнні тэмпературы і пастанавіў: чым глыбей спускаешся, тым робіцца цяплей, што супярэчыла ўсім тэорыям Абраама Вернера. Ён заўважыў, што нават у самай глыбокай пячорнай цемрадзі існуе вегетацыя. Жыццё, падавалася, не сканчаецца нідзе, паўсюль знаходзілася якаясь форма мху ці нарасці альбо які-кольвек від скукожанай расліннасці. Ад іх рабілася жудасна, і каб даць рады гэтай жудасці, ён разразаў і даследаваў іх, раздзяляў на класы і падрабязна іх распісваў. Праз некалькі год, калі ён знайшоў падобныя расліны ў пячоры памерлых, ён ужо быў падрыхтаваны.

Скончыўшы ўніверсітэт, ён атрымаў службовую форму. Куды б ён ні падаўся, ён усюды мусіў насіць яе на сабе. Ён служыў у судзе ад горназдабыўчага аддзела. Ён напісаў свайму брату, што саромеецца самога сябе і што той можа з гэтага пацешыцца.

Праз некалькі месяцаў ён ужо стаў прускім давераным горным інспектарам. Яго дапусцілі да штолен, торфаздабыч і да высокага двара каралеўскай фарфаравай мануфактуры; хуткасьць, з якой ён рабіў свае запісы, заўжды палыхала працаўнікоў. Ён увесь час недзе прападаў, амаль не еў і не спаў ды сам не мог даўмецца, з чаго гэта ўсё так. З ім творыцца нешта дзіўнае, пісаў ён брату, што ўсяляе ў яго трывожную думку, быццам ён страчвае розум.

Выпадкова ён натрапіў на кнігу Гальвані пра электрычнасць і жаб. Да адрубленых жабіных лапак Гальвані прымацоўваў два розныя металы, і лапкі тады ўздрыгваліся, нібы жывыя. Ці была прычына ў лапках, у якіх яшчэ цеплілася жыццё, альбо рух прыходзіў звонку, з рознасці металаў, а рух жабіных канцавінак – гэта толькі бачная рэакцыя? Гумбальт вырашыў гэта вызначыць.

Ён зняў з сябе кашулю, лёг на ложка і загадаў слугу прыклеіць яму на спіну два вялікія пластыры. Слуга зрабіў, што было загадана, і на скуры Гумбальта надзьмуліся два вялікія пухіры. А зараз, маўляў, надрэж іх! Слуга не адважваўся, Гумбальт мусіў закрычаць, і слуга ўзяў скальпель. Той быў такі востры, што надрэз амаль не балеў. На зямлю капнула крывёй. Гумбальт загадаў пакласці на адну з ран кавалачак цынку.

Слуга запытаўся, ці можна яму зрабіць перапынак, бо яму стала блага.

Гумбальт папрасіў яго не ўдаваць з сябе дурня. І толькі яго другой раны крануўся кавалачак срэбра, як праз спіннымя цягліцы да самай галавы прайшоў балючы ўдар. Дрыготкімі рукамі ён занатаваў: *Musculus cucularis*³, патылічная косць, колючы боль у пазванку. Без сумневу, гэта электрычнасць. Давай яшчэ срэбра! Ён налічыў чатыры ўдары, з аднолькавымі прамежкамі, а потым прадметы згубілі сваю афарбоўку.

Калі ён зноў апытомнеў, слуга, бледны з твару і па локаць у крыві, сядзеў на падлозе.

Далей, сказаў Гумбальт, з дзіўным жахам усвядоміўшы, што нейкая яго частка атрымлівае ад усяго гэтага асалоду. А цяпер жаб!

Толькі не гэта, сказаў слуга.

Гумбальт спытаў, той, пэўна, хоча пайсці пашукаць новае месца.

Слуга паклаў на Гумбальтаву крывавую спіну чатырох мёртвых старанна памытых жаб. Але цяперака досыць, сказаў ён, яны ж хрысціяне.

Гумбальт праігнараваў яго і загадаў: срэбра, яшчэ! Вось і ўдары. У лютэрку ён убачыў, як з кожным ударам цельцы жабак падскоквалі, нібы жывыя. Ён упіўся зубамі ў падушку, якая ўжо змокла ад слёз. Слуга нервова захікаў, Гумбальт захацеў нешта занатаваць, але рукі зусім аслаблі. Ён ледзь стаў на ногі. З'едлівая

вадкась, што выцякала з ран, апякала скуру. Гумбальт паспрабаваў сабраць крыху гэтай вадкасці ў прабірку, але апухлыя плечы не давалі яму павярнуцца. Ён глянуў на слугу.

Той закруціў галавой.

То добра, сказаў Гумбальт, то ён, імем Бога, мусіць пайсці па лекара! Ён выцер твар і пачакаў, пакуль супакоіліся рукі і ён змог усё запісаць. Гэта была электрычнасьць, ён адчуў гэта, і яна сыходзіла не з яго галавы і не з жабак, а з хімічнай непрыязнасці металаў.

Патлумачыць лекару, што тут здарылася, было цяжка. Слуга звольніўся на наступным тыдні, два шнары засталіся на ўсё жыццё, а апісанне жывых цяглічых валокнаў, як правадной субстанцыі, спрычыніла навуковую славу Гумбальта.

Ён падаецца збітым з панталыку, напісаў яму брат з Іены. Але ці памятае ён, што маральныя абавязкі ёсць і перад уласным целам, то ж не проста рэч як усе астатнія; прашу цябе, прыезджай! Шылер хоча з табой пазнаёміцца.

Ты не разумееш мяне, адказаў Гумбальт. Я ж вызнаў, што чалавек гатовы зведаць усялякай трасцы, але шмат ведаў выслізгае праз ягоную боязь болю. А хто ўсё ж не спалохаецца болю, таму адкрыюцца рэчы, якія ён не... Ён адклаў піро, пачухаў плячо і змяў аркуш. Нашае братэрства, пачаў ён з самага пачатку, чаму яно падаецца мне сапраўднай загадкай? Чаму мы самотныя і адначасова з тым падвоеныя, чаму ты ніколі не станеш мною, а я не здолею стаць табой, чаму нам разам трэба прабіцца праз гэтае быццё, удваёх, хочам мы таго ці не, заўсёды, блізкія адзін аднаму, як ніхто іншы. І чаму мне здаецца, што б мы не зрабілі, ад нашай велічы не застанецца і следу, яна знікне, як яе і не было, пакуль нашыя прозвішчы, угадываныя паасобку, зноў не з'яднаюцца і не зблякнуць? Ён запнуўся, а потым парваў аркуш на маленечкія шматкі.

Каб вывучаць расліны ў фрайбергскай рудні, ён прыдумаў шахцёрскую лямпу: полымя выходзіла з ёмістасці з газай і давала святло ў месцах, куды не трапляла паветра. Праз яе ён ледзь не аддаў Богу душу. Ён спусціўся ў яшчэ не даследаваную пяхору, паставіў лямпу і праз некалькі хвілін страціў прытомнасць. Перад абліччам смерці ён убачыў трапічныя ліяны, якія на яго вачах ператварыліся ў жаночыя целы, ён ачомаўся праз уласны крык. Іспанец па імені Андрэс дэль Рыо, колішні аднагрупнік па Фрайбергскай акадэміі, знайшоў яго і выцягнуў наверх. Засаромлены, Гумбальт забыўся падзякаваць.

Праз месяц напружанай працы ён зрабіў рэспіратар: ад меха з паветрам да дыхальнай маскі падводзіліся два шлангі. Ён прышпіліў апарат і спусціўся. З каменным тварам ён перанёс першыя галоўныячы. Толькі калі яго калені паддаліся, а галавакружэнне памножыла полымя свячы да сапраўднага пажару, ён адкруціў вентыль і з запалам пачаў назіраць, як жанчыны зноў парабіліся раслінамі, а расліны ператвараліся ў нішто. Ён правёў у халоднай цемрадзі яшчэ некалькі гадзін. А калі выйшаў на дзённае святло, яго ўжо чакаў ліст ад Кунта, у якім распавядалася, што яго маці памірае.

Як тое і належала, ён паскакаў самым хуткім канём, якога толькі можна было знайсці. Дождж біў у твар, паліто раздзімалася за спінай, двойчы ён выслізваў з сядла і падаў у грязь. Ён прыехаў непаголеным і брудным, і з прычыны няведання, як у такіх выпадках належала сябе паводзіць, ён зрабіў выгляд, што ў яго перахапіла подых. Кунт прыхільна кіўнуў, яны ўселіся ля яе ложка і назіралі, як боль ператварае яе твар у нешта чужое. Сухоты спалілі яе знутры, яе шчокі запалі, падбароддзе выцягнулася, а нос раптам згорбіўся, ад кровапускання яна ледзь не сканала. Гумбальт трымаў яе за руку, дзень змяніўся вечарам, паштовы прынёс ліст ад брата, які не мог прыехаць праз тэрміновыя справы ў Веймары. З надыходам ночы маці стала на дыбкі і пачала выдушваць з сябе рэзкія выкрыкі. Снатворнае не дапамагала, не прынясло супакою і наступнае крывапусканне, Гумбальт не мог даўмецца, чаму яна так нявыхавана сябе паводзіць. Апоўначы яе крыкі сталі настолькі нястрыманымі, падавалася, што яны выходзяць з такіх глыбін яе ўздыбленага цела, быццам яна перажывала апагей пажады. Ён чакаў, заплюшчыўшы вочы. Сціхла яна толькі праз дзве гадзіны. На світанку яна мармытала ўжо нешта неразборлівае, калі ж сонца перакацілася ў першую палову, яна глянула на сына і сказала, маўляў, ён мусіць трымаць спіну, бо развальвацца вось так ужо зусім непрыстойна. Потым яна адварнула галаву, падалася, што яе вочы ператварыліся ў шкло, так Гумбальт убачыў першага ў сваім жыцці нябожчыка.

Кунт паклаў руку яму на плячо. Дзей, для яго значэнне гэтай сям'і ёсць невымерным.

Але, сказаў Гумбальт, нібы нехта яму падказваў, для яго вымерна, і ён гэтага ніколі не забудзе.

Кунт узрушана ўздыхнуў. Зразумеўшы, што і надалей будзе атрымліваць сваё ўтрыманне.

Пасля абеду слугі ўбачылі, як Гумбальт сноўдаўся сюды-туды перад замкам, з пагорка на пагорак ды вакол стаўка, з адкрытым, як у ідыёта, ротам і павернутым у неба тварам. Такім яны яго яшчэ не бачылі. Вядома ж, казалі яны адзін аднаму, гэта яго вельмі страсянула. На самой справе ён яшчэ ніколі не быў такім шчаслівым.

Праз месяц ён звольніўся са свайго месца. Міністр нічога не зразумеў. Такая высокая пасада ды ў такім узросце, ды для ягонай кар'еры, маўляў, няма ніякіх перашкод! Чаму так?

Таму што ўсяго гэтага вельмі мала, адказаў Гумбальт. Ён, невысокага росту, стаяў перад сталом свайго кіраўніка, але прама трымаў спіну, з бляскам у вачах і распраўленымі плячыма. І таму што ён, маўляў, урэшце можа выправіцца.

Спачатку ён падаўся ў Веймар, дзе брат пазнаёміў яго з Віландам, Гердэрам і Гётэ. Апошні павітаўся з ім як з хаўруснікам. Дзей, усе вучні вялікага Вернера – ягоныя сябры.

Гумбальт паведаміў, што ён паедзе ў Новы Свет. Сваіх намераў ён яшчэ нікому не выдаваў. Маўляў, ніхто не зможа яго затрымаць, і ён не разлічвае вярнуцца назад жывым.

Падхапіўшы пад руку, Гётэ правёў яго праз анфіладу пафарбаваных усімі колерамі вясёлкі пакояў да высокага вакна. Вялікае прадпрыемства, сказаў ён. Перадусім істотнейшым будзе даследаванне вулканаў дзеля падцвярджэння нептуністскай тэорыі. Дзей, пад зямлёй нічога не гарыць. Бо кіпячая лава не ёсць нутро зямлі. Дый толькі сапсаваны дух можа дайсці да гэткай гідотнай ідэі.

Гумбальт паабяцаў паглядзець вулканы.

Гётэ закалаў рукі за спіну. І ніколі, дзей, ён не мусіць забываць, ад каго ён ідзе.

Гумбальт нічога не зразумеў.

То бок ён мусіць памятаць, хто яго паслаў. Гётэ махнуў рукой у бок рознакаляровых пакояў, гіпсавых копіяў рымскіх статуй і мужчын, якія вялі ў салоне млявагалося гутаркі. Старэйшы брат Гумбальта веў дыспут пра перавагі вольнага белага вершу, Віланд уважліва хітаў галавой, на канапе ляжаў Шылер і нішкам пазяхаў. Ад нас вы ідзяце, сказаў Гётэ. Маўляў, і за морам вы застанецеся нашым пасланнікам.

Далей Гумбальт паехаў у Зальцбург, дзе набыў найдаражэйшы арсенал вымяральных прыбораў, якім яшчэ не валодаў ніводзін чалавек. Два барометры для паветранага ціску, гігсометр для вымярэння ўзроўню мора, тэадаліт для зямельных вымярэнняў, люстэркавы секстант са штучным гарызонтам, складны кішэнны секстант, інклінатар для вызначэння сілы зямнога магнетызму, валасяны гігмометр для вільготнасці паветра, эўдыёметр для вымярэння складу кіслароду ў паветры, лейдэнская банка для захавання электрычных зарадаў і кіянаметр для вымярэння колеру неба. Апроч таго два непамёрна даражэзных гадзінніка, якія надоечы пачалі вырабляцца ў Парыжы. Яны абыходзіліся без маятніка, і адлічвалі секунды незаўважна, з раўнамерна вагальнымі спружынамі ў сярэдзіне. Калі за імі добра глядзець, то яны не адхіляцца ад парыжскага часу, а вымераўшы адлегласць ад сонца да далягляду і звернуўшыся з табліцамі, па іх можна было вызначыць градус даўжыні.

Ён застаўся на адзін год, каб папрактыкавацца. Ён змерыў усе зальцбургскія пагоркі, кожны дзень вызначаў паветраны ціск, картаграфаванне магнетычнае поле, правяраў паветра, вадзі, зямлю і колер неба. Ён спрактыкаваўся збіраць і разбіраць кожны інструмент, пакуль не здолеў рабіць гэта з запліснутымі вачыма, стоячы на адной назе, пад дажджом ці сярод статка кароў, апанаванага жамырыцай. Хатнія палічылі яго за вар'ята. Але і тут ён быў пэўны, трэба было звыкнуцца. Аднаго разу ён на цэлы тыдзень прывязаў сабе руку за спіну, каб вызнаць нязгоды і боль. Яму замінала форма, таму ён загадаў пашыць другую, якую ён не здымаў і ў ложку. Маўляў, хітрыкі у тым, каб ён нічога не абмінуў, сказаў ён спадарыні Шобель, якая здавала яму пакой, і папрасіў яшчэ шклянку зеленаватай сывароткі, ад якой яго заўжды нудзіла.

Толькі пасля ўсяго гэтага ён паехаў у Парыж, дзе зараз кватараваў ягоны брат, каб выхаваць сваіх страх якіх разумненькіх дзетак паводле строгай складзенай ім самім сістэмы. Яго швагерка цяпець яго не магла. Яна казалася, што ён наводзіць на яе жах, а ягоная дзелавітасць падаецца ёй нейкай формай вар'яцтва, дый наогул ён нагадвае ёй карыкатуру на ейнага мужа, ягоны скажоны злепак.

Ён не можа з ёй не пагадзіцца, адказаў той, і яму, як братаваму ахоўніку, дзей, ніколі не было лёгка несці адказнасць за ўсе ягоныя дурасці.

У акадэміі Гумбальт чытаў лекцыі па праводнасці нерваў чалавека. Калі адмервалі апошні адрэзак градуса даўжыні, які злучаў Парыж з полюсам, ён таксама быў там пад імжыстым дажджом на патаптаным поплаве за горадам. Па сканчэнні ўсе пасцягвалі з галоў капелюшы і паціснулі адзін аднаму рукі: дзей, адна мільённая адлегласці, апраўленая ў метал, стане адзінкай усіх будучых вымярэнняў адлегласці. Яе нібы хочуць назваць "метрам". Калі штосьці вымяралі, Гумбальта заўсёды перапаўняла ўзвышанае пачуццё; гэтым разам яго ап'яняў энтузіязм. Ад узбуджэння ён шмат начэй не мог заснуць.

Ён цікавіўся экспедыцыямі. Адзін лорд Брыстоль хацеў падацца ў Егіпет, але неўзабаве трапіў за краты за шпегаванне. Гумбальт дазнаўся, што дырэцыя хоча паслаць у паўднёвыя моры даследчы атрад пад кіраўніцтвам вялікага Бугенвіля, але Бугенвіль быў стары, як грыб, нічога не чуў, сядзеў сабе ў высокім фатэлі, нешта мумліў пад нос і, не раўнуючы як дырыжор махаў рукамі, і ніхто не разумеў, што тое магло значыць. Калі Гумбальт схіліўся над ім, стары блаславіў яго біскупскім жэстам, а затым адмахнуўся. Дырэктарыум замяніў яго афіцэрам Бадэнам. Ён з радасцю прыняў Гумбальта і наабыцаў усяго, што толькі можна. Неўзабаве Бадэн знік з усімі грашымі, што выдзеліла яму дзяржава.

Аднаго вечару на ганку Гумбальтава дома прысеў малады чалавек, ён якраз быў выпіўшы шнапсу з срэбнай пляшкі і, калі Гумбальт выпадкова наступіў яму на руку, гучна замацоўкаўся. Гумбальт папрасіў прабачэння, завялася гутарка. Чалавека клікалі Эмэ Банплан, і ён таксама хацеў паехаць разам Бадэнам. Дваццаці пяці гадоў, высокага росту, крыху падраны, ён меў толькі некалькі шнараў ад воспы, і яму не ставала аднаго пярэдняга зуба. Абодва глянулі адзін на аднаго, і пасля ўжо ніхто з іх не мог сказаць, ці гэта сапраўды

між імі прайшлося прадчуванне, што кожны з іх станецца адзін аднаму важнейшым за усіх астатніх людзей, альбо гэта ім проста потым так падалося.

Банплан распавёў, што ён родам з Ла-Рашэлю і не можа болей трываць навіслае, як дах вязніцы, неба правінцыі. Дзень за днём яго цягнула прэч, а потым ён, кажа, стаў ваенным лекарам, але ўніверсітэт не пацвердзіў ягонае званне. Пакуль ён навіёрстваў адукацыю, якой не ставала, вывучыў батаніку, маўляў, ён любіць трапічныя расліны, але зараз і не ведацьме, куды падацца. Назад у Ла-Рашэлі, дык лепей ужо памерці!

Гумбальт запытаўся, ці можна яго абняць.

Не, спалохаўся Банплан.

Гумбальт сказаў, што за спінай у іх шмат чаго агульнага, але наперадзе іх чакае адзіны шлях, і калі яны аб'яднаюць свае намаганні, то хто іх тады стрымае? Ён працягнуў яму руку.

Банплан нічога не зразумеў.

Яны маглі б пайсці разам, патлумачыў Гумбальт, у падарожжы яму спатрэбіцца сябар, за грашыма справа не стане.

Банплан пільна на яго пагледзеў і закрыў пляшку.

Яны абодва маладыя, сказаў Гумбальт, і рашучасці ім не пазычаць, разам яны праславіцца. Хіба Банплан гэтага не адчувае?

Банплан гэтага не адчуваў, але Гумбальтава захапленне сталася заразным. Таму, а яшчэ таму што ігнараваць каго-кольвечы з працягнутаю рукой няветліва, ён падаў руку і ледзь стрымаўся ад болю: Гумбальт сціснуў руку мацней, чым таго можна было чакаць ад маленькага чалавека.

І што цяпер?

Куды ж яшчэ, адказаў Гумбальт, як не ў Іспанію!

Неўзабаве браты развіталіся, не раўнуючы як два манархі. Падчас развітальнага пацалунку кончыкі валасоў швагеркі кранулі ягоную шчаку, і Гумбальт зусім разгубіўся. Ён запытаўся, ці пабачацца яны зноў.

Вядома, адказаў старэйшы брат. У гэтым альбо ў іншым свеце. У цялесным вобразе альбо ўжо ў святле.

Гумбальт і Банплан селі на коней і паехалі. Са здзіўленнем Банплан заўважыў, што яго спадарожнік пратрымаўся і, пакуль брат са швагеркай не зніклі з відавоку, ніводнага разу не азірнуўся.

Па дарозе ў Іспанію Гумбальт вымяраў кожны пагорак. Ён узбіраўся на ўсе горы. Ён адколваў каменныя пробы ад кожнай скалы. Ён апранаў кіслародную маску і даследаваў усе пячоры да іх найцяжнейшага закуточка. Тамтэшыя людзі, пабачыўшы, як ён праз акуляр секстанта фіксуе палажэнне сонца, палічылі іх за язычніцкіх сонцапаклоннікаў і закідалі камянямі, таму ім давялося скочыць на коней і пусціцца ўнамёт. Першыя два разы яны ўцяклі цэлымі, а з трэцяй сутычкі Банплан выйшаў з ірванай ранай.

Банплан пачаў давацца дзіву. Няўжо гэта так неабходна, запытаўся ён, яны, кажа, урэшце тут толькі мімаходзь, а ім жа трэба ў Мадрыд, хутчэй было б проста скакаць туды, Божа ж ты мой.

Гумбальт крыху паразважаў. Не, сказаў ён потым, яму шкада. Дзей, пагорак невядомай вышыні зневажае розум і непакоіць асабіста яго. Бо без пастаяннага вызначэння свайго месцапалажэння чалавек не зможа сунуцца далей. Дый любую загадку, якой бы мізэрнай тая не падавалася, нельга пакідаць на ўзбочыне.

З таго часу яны ехалі ноччу, каб ён свабодна мог рабіць свае вымярэнні. Маўляў, трэба пільней вызначыць каардынаты, чымся гэта было зроблена да яго. То бок карты Іспаніі не дакладныя. Ім жа хочацца ведаць, куды яны едуць.

Але яны і так ведаюць, закрычаў Банплан. Вось жа дарога, і яна вядзе ў Мадрыд. Чаго яшчэ трэба?!

Справа не ў дарозе, адказаў Гумбальт. А ў прынцыпе.

Неўздалёк ад сталіцы дзённае святло адцянілася срэбрам. Хутка зніклі амаль усе дрэвы. Цэнтральная частка Іспаніі – гэта не лагчына, заявіў Гумбальт. Маўляў, географы зноў памыліліся. Хутчэй гэта будзе плато, якое калісьці выступала востравам над дагістарычным морам.

Ну канешне, сказаў Банплан і глынуў са сваёй пляшкі. Такі востравам.

У Мадрыдзе кіраваў міністр Мануэль дэ Уркіха. Усім было вядома, што ён спаў з каралевай. Кароль нічога не мог з гэтым зрабіць, дзеці пагарджалі ім, краіна лічыла яго дзіваком. Усе шляхі вялі праз Уркіха, бо калоніі заставаліся перакрытымі для іншаземцаў, выключэння яшчэ ніколі не было. Гумбальт наведаў прускага, бельгійскага, нідэрландскага і французскага паслоў. Па начах ён вучыў іспанскую мову.

Банплан спытаў, ці спіць ён увогуле.

Калі б гэтага можна пазбегнуць, адказаў Гумбальт, то не.

Праз месяц ён дамогся аўдыенцыі Уркіха ў аранхуэскім палацы. Міністр стаўся вельмі тлустым, знерваваным і занепакоеным. Праз непаразумеласць і, мажліва, праз тое, што ён аднойчы пачуў пра Парацэльса, ён палічыў Гумбальта нямецкім лекарам і запытаўся ў яго пра сродак для патэнцыі.

Прабачце, што?

Міністр завёў яго ў цёмны закуток каменнай залі, паклаў руку яму на плячо і зашаптаў. Справа, маўляў, не ў задавальненні. Ягоная ўлада над краінай абапіраецца на ягоную ўладу над каралевай. А яна, дзей, жанчына не маладая, дый ён сам не малады ўжо хлопец.

Гумбальт зірнуў у вакно. Пад белым палудзенным святлом у ненатуральна незямной сіметрыі раскінуўся паркавы ансамбль. Над маўрытанскім фантанам ляніва памільгаваў водны струмень.

Уркіха сказаў, што справаў яшчэ шмат. То бок інквізіцыя яшчэ мае ўплыў, дый да адмены рабства яшчэ далёка. Паўсюль чуюцца прышэпты. Ён, дзей, сам яшчэ не ведае, колькі яшчэ зможа вытрымаць. Гэта калі казаць шчыра. Ці досыць ясна ён выказаўся?

Сціснуўшы кулак, Гумбальт паволі падышоў да пісьмовага стала Уркіха, змачыў пяро і напісаў рэцэпт. Кара хіннага дрэва з Амазонскай нізіны, макавы экстракт з цэнтральнай Афрыкі, сібірскі саванскі мох і ўжо легендарная кветка з падарожнай справаздачы Марка Пола. З усяго гэтага робіцца моцны адвар, які потым тры разы настойваецца. Піць павольна, кожны другі дзень. Маўляў, на збор інгрыдыентаў спатрэбіцца гады. Ён нерашуча ўручыў аркуш Уркіха.

Ніколі дагэтуль іншаземцам не выдавалі такіх папер. Барону фон Гумбальту і ягонаму асістэнту аказваць любую дапамогу. Прапаноўваць любое жылло, ставіцца з прыязнасцю, дапускаць да любога месца, якое іх зацікавіць, а таксама дазволіць карыстацца ўсімі караблямі кароны.

Ну, сказаў Гумбальт, цяпер засталася толькі англійская блакада.

Банплан спытаўся, навошта ў гэтай справе асістэнт.

Ён і не ведае, разгублена адказаў Гумбальт. Нейкае непаразуменне.

Ці можна тады гэта выправіць?

Гумбальт сказаў, што гэтая ідэя не з лепшых. То бок такія пашпарты ёсць дарункам нябёсаў. Якія тут могуць быць пытанні, калі трэба збірацца ў дарогу?

Яны селі на першы фрэгат, які ішоў з Ла-Каруны ў тропікі. Дзьмуў рэзкі заходні вецер, мора вельмі непакоілася. Гумбальт сядзеў на палубе на складным услоне. Ён пачуваўся свабодным, як ніколі. На шчасце, запісаў ён у свой дзённік, у яго ніколі не было марской хваробы. Потым яго званітвала. То ж пытанне волі! Цалкам сканцэнтраваны, і раз-пораз перарываючыся, каб схіліцца цераз падручні, ён спісаў тры старонкі пра пачуццё, калі цябе выварочвае, пра ноч, што апусцілася па-над морам, і пра берагавое святло, якое гублялася ў цемры. Да самага ранку ён адстаяў ля капітана і назіраў, як той спраўляецца з навігацыяй. Потым ён выпягнуў свой секстант. Пад палудзень ён заматляў галавой. Пасля абеду а чацвёртай ён адклаў свой прыбор і запытаў капітана, чаму ён працуе так недакладна.

Бо ён робіць гэта ўжо трыццаць гадоў, сказаў капітан.

З усёй павагай, сказаў Гумбальт, але гэта яго здзіўляе.

Дык гэта ж робіцца не дзеля матэматыкі, сказаў капітан, яны толькі і хочуць, што перабрацца цераз мора. Дзей, толькі і трэба што ехаць уздоўж градуса шырыні, і калі-кольвечы яны дасягнуць мэты.

Але ж як можна жыць, спытаўся Гумбальт, раздражнёны барацьбой з мласцю, калі дакладнасць нічога не значыць?

Дый можна, і найлепшым чынам, адказаў капітан. Гэта ж, дарэчы, свабодны карабель. І калі каму што-кольвечы не даспадобы, то ён заўжды можа сысці.

Недалёка ад Тэнэрыфэ яны ўбачылі марскую пачвару. Удалечыні, амаль ля самага далягляду, з вады ўзнялося змяінае цела, страшыдла спляла пару кольцаў і ўтаропіла ў іх вочы, якія ў падзорнай трубе вельмі нагадвалі каштоўныя камяні. Вакол яе рота звисала кудзелістая танюткая барадзёнка. Пачвара зноў нырнула, а праз некалькі секунд ніхто не мог даць веры, ці не было гэта фантазіяй. Мажліва, праз выпарэнне, сказаў Гумбальт, проста харч дрэнны. Ён вырашыў нічога пра гэта не пісаць.

Карабель стаў на два дні на якар, каб папоўніць прыпасы. Ужо ў самым порце іх абкружыла групка прадажных жанчын, якія абмацвалі іх і праводзілі рукамі па іх целах. Банплан хацеў было паддацца і пайсці за адной, але Гумбальт рэзка прызваў яго да парадку. Адна падышла да яго ззаду, дзве аголеныя рукі абнялі яго за шыю, жаночыя валасы ўпалі яму на плечы. Ён хацеў адысціся, але адна яе завушніца зачэпалася за спражку яго сурдута. Жанчыны засмяяліся, а Гумбальт не ведаў, куды дзець рукі. Урэшце яна, смеючыся, адскочыла, Банплан таксама ўсміхаўся, але ўбачыўшы Гумбальтаву міну, пасур'эзнеў.

Там, маўляў, вулкан, непаслухмяным голасам прамовіў Гумбальт, часу мала, няма прычын марудзіць!

Яны нанялі двух праваднікоў і ўскараскаліся наверх. За каштанавым гаем пайшла папараць, а потым пясчаная раўніна, парослая жаўтазелем. Вымерыўшы паветраны ціск, Гумбальт метадам Паскаля вызначыў іх вышыню. Яны пераначавалі ў пячоры, у якой яшчэ ляжаў снег. Адубелыя ад холаду, яны паляглі спаць пад аховай уваходу. У небе ззяў маленькі скамянелы месяц, часам міма праяталі кажаны, на коўдры з воблакаў пад імі ясна маляваўся цень ад вяршыні гары.

Увесь Тэнэрыфэ, тлумачыў Гумбальт праваднікам, гэта адна суцэльная гара, якая высочваецца з мора. Хіба гэта не цікава?

То бок, шчыра кажучы, сказаў адзін з іх, не вельмі.

Наступным ранкам выявілася, што праваднікі таксама не ведаюць шляху. Гумбальт спытаў, хіба яны тут яшчэ ніколі не былі.

Не, сказаў другі праваднік. А навошта?

Вакол вяршыні разляглося поле друзу, на якое амаль нельга было ступіць; кожнага разу, як хто паслізваўся, камні з гулам ляцелі ў даліну. Адзін праваднік страціў раўнавагу і разбіў біклагі з вадой. Замучаныя смагай і са скрываўленымі рукамі, яны ўзлезлі на вяршыню. Кратэр вулкана быў застыўшы стагоддзі таму, унізе яго пакрывала скамянелая лава. Воку былі бачныя Пальма і Гамера, а таксама ахінутыя парай горы Лансаротэ. Пакуль Гумбальт вымяраў барометрам і секстантам вышыню гор, абодва праваднікі з непрыязнасцю сядзелі скурчыўшыся на зямлі, а Банплан, падрыгваючы, узіраўся ўдалечынь.

Сасмаглыя, яны сягнулі надвячоркам садоў Аратавы. Упершыню ўбачыўшы расліны Новага свету, Гумбальту заняло мову. Адзін толькі валасаты павук, які загараў на пальмавым камлі, напоўніў яго жахам і шчасцем. Драцэну ён заўважыў ужо потым.

Ён развярнуўся, але Банплан некуды знік. Дрэва было вялізнае, яму пэўна, за некалькі тысяч гадоў. Яно стаяла тут раней за іспанцаў і раней за старыя народы. Яно было тут раней за Хрыста і Будду, Платона і Тамерлана. Гумбальт прыслухаўся да свайго гадзінніка. Той, цікачы, нёс унутры сябе час, а для гэтага дрэва час не з'яўляўся пагрозай: плынь часу разбівалася аб яго, як аб непарушную цвержу. Гумбальт дакрануўся да пастрэсканага камля. Недзе высока разыходзіліся галіны, шчабятанне соцень птушак пранізвала паветра. Ён пяшчотна правёў далонь па кары. Усё згінула, усе людзі, усе жывёлы, назаўжды. Акрамя аднаго. Ён прыклаў шчаку да дрэва, а потым адрываўся і спалохана азірнуўся вакол сябе, ці не бачыў яго хто-кольвечы. Ён хуценька выцер слёзы і пайшоў шукаць Банплана.

А што француз? Адзін рыбак ля порта паказаў на драўляную хаціну.

Гумбальт адчыніў дзверы і ўбачыў голую спіну Банплана над карычневаскурай голай жанчынай. Ён бразнуў дзвярыма і заспяшаўся на карабель, не прыпыніўся ён, калі ззаду пачуліся Банпланавы крокі, і таксама не заповоліў хады, калі задыханы Банплан з нагавіцамі ў руках і перакінутай цераз плячо кашуляй папрасіў прабачэння.

Калі такое яшчэ хоць раз здарыцца, сказаў Гумбальт, то для яго іхняе супрацоўніцтва можа лічыцца завершаным.

Але ж, запыхкаў Банплан, на бягу нацягваючы кашулю. Дзей, часам ім можа авалодаць пачуццё, няўжо гэта так цяжка зразумець? Гумбальт, кажа, і сам мужчына!

Гумбальт заклікаў яго падумаць пра сваю нарачоную.

У яго яе няма, сказаў Банплан і залез у нагавіцы. То бок у яго нікога няма!

Чалавек – гэта не жывёліна, сказаў Гумбальт.

Але, часам жывёліна, сказаў Банплан.

Гумбальт запытаўся, ці чытаў ён калі Канта.

Маўляў, француз замежнікаў не чытае.

Ён не хоча зараз пра гэта размаўляць, сказаў Гумбальт. Яшчэ раз такое будзе, і іхнія шляхі разыдуцца. Ці можа ён з гэтам пагадзіцца?

Магутны Божа, сказаў Банплан.

Ці можа ён з гэтым пагадзіцца?

Банплан прамумліў нешта непаразумелае і зашпіліў нагавіцы.

Праз некалькі дзён карабель пераплыў тропік. Гумбальт адклаў убок рыбіну, чый плавальны пухір ён якраз ускрываў пад святлом запацелай масленай лямпы, і зірнуў на яркія выразныя кропкі паўднёвага крыжа. Сузор'і новага паўшар'я толькі часткова занесены ў атласы. Іншая палова зямлі і неба.

Раптам яны трапілі ў зграю малюскаў. Сустрэчная плынь чырвоных медуз была такой моцнай, што карабель марудна цягнула назад. Банплан вывудзіў дзвюх жывацінак. Пачуваецца, кажа, неяк дзіўна, сказаў ён. То бок, ён не ведае, чаму, але штосьці тут не тое.

А наступным ранкам распачалася ліхаманка. Пад палубай страшэнна смярдзела, хворыя стагналі ноччу, нават на свежам паветры патыхала ванітамі. Карабельны лекар не прыхапіў з сабой кары хініна: дзей, гэты сродак – павеў апошняй моды, а крывапусканне – метаў ужо правераны, дый дзейнічае яно нашмат лепей! На трэцім працэдуры ад страты крыві сканаў малады матрос з Барселоны. Яшчэ адзін трызніў так моцна, што ён паспрабаваў адляцець з карабля, але пасля некалькіх узмахай крыл паляцеў долу і ледзь не патануў, каб за ім адразу ж не паслалі шлюпку і не вылавілі. Пакуль хворы Банплан ляжаў у ложку, піў гарачы, як кіпень, ром і не быў здатны ні да якой працы, Гумбальт рэпараваў абодвух малюскаў пад мікраскопам, кожныя пятнаццаць хвілін вызначаў паветраны ціск, колер неба і тэмпературу вады, кожныя паўгадзіны спускаў лот і заносіў паказанні ў тоўсты суднавы журнал. Якраз зараз, тлумачыў ён, нельга паддавацца слабасцям. Маўляў, дапаможа толькі праца. Лічбы перамогуць бязладдзе. Нават бязладдзе ліхаманкі.

Банплан запытаў яго, хіба яго хоць нязначна не нудзіць на мора.

Не, кажа, яму гэта невядома. Дзей, ён вырашыў гэта ігнараваць, таму ён на гэта і не звяжае. Вядома, часам яму даводзіцца званітаваць. Але ўласна кажучы, на тое ён больш не звяртае аніякай увагі.

Вечарам у мора выкінулі наступнага памерлага.

Гэта яго непакоіць, сказаў Гумбальт капітану. Ліхаманка, кажа, не павінна пагражаць экспедыцыі. І ён вырашыў не ехаць далей у Веракрус, а праз чатыры дні пакінуць борт.

Капітан запытаў, ці добра той плавае.

Гэта без патрэбы, сказаў Гумбальт, праз тры дні недзе а шостаі гадзіне ранку яны ўбачаць астравы, а яшчэ праз дзень яны дасягнуць мацерыка. Маўляў, ён зробіў разлікі.

Капітан захацеў даведацца, ці мае ён зараз чаго паразразаць.

Гумбальт нахмурыў бровы і спытаў, ці гэта з яго хочучь пасмяяцца.

Ні ў якім разе, то бок наўпрост узгадаць пра прорву паміж тэорыяй і практыкай. Разлікі, вядома, трэба паважаць, але гэта не школьная задачка, гэта акіян. Дзей, ніхто не ў стане прадказаць цячэнні і вятры. Таму немагчыма так проста вызначыць, калі пакажацца зямля.

Раніцай трэцяга дня ў смуге марудна паказаліся рысы ўзбярэжжа.

Трынідад, спакойна сказаў Гумбальт.

Наўрад ці. Капітан паказаў марскую карту.

Дык яна недакладная, сказаў Гумбальт. То бок відавочна, што адлегласць паміж старым і новым кантынентам разлічылі няправільна. Ніхто ж не вымяраў цячэнні добрасумленна. Калі ўсё будзе правільна, то заўтра зрання ён можа пераправіцца на Тэра Фірма.

Яны сышлі з борта ля вусця адной вялікай ракі. Яе моц была такой магутнай, што падавалася, быццам мора складаецца з пеністай прэснай вады. Пакуль тры шлюпкі перавозілі на бераг скрыні з абсталяваннем, Гумбальт, апрануты ў бездакорны прускі мундзір, адсалютаваў на развітанне капітану. Ужо ў лодцы, якая несла іх на мацерык, што лянiва гайдаўся наперадзе, ён пачаў распісваць свайму брату пра празрыстае паветра, цёплы ветрык, какасовыя дрэвы і фламінга. Не ведаю, калі гэта адбудзецца, але глядзі не праміні гэта ў газетах. Свет даведаецца пра мяне. Гэта мусіць стацца маёй найвялікшай памылкай, калі я так нічога і не буду для яго значыць.

З нямецкай мовы пераклаў Сяргей Матырка

Каментарыі

Георг Крыстаф Ліхтэнберг (1742–1799) – нямецкі вучоны, сатырык. У якасці вучонага ён стаў першым у Германіі навукоўцам, які атрымаў званне прафесара выключна ў галіне эксперыментальнай фізікі. Хоць Ліхтэнберг і займаўся геадэзічнымі, метэаралагічнымі, астранамічнымі і хімічнымі даследаваннямі, найбольшы ўнёсак ён зробіў менавіта ў вывучэнні электрычных з'яў. Гэта яму належыць уяўленне ў абарот абазначэння розных відаў электрычнасці знакамі "+" і "-" (станоўчая і адмоўная), а таксама адкрыццё электрычных фігур, вядомых цяпер як фігуры Ліхтэнберга.

Лопэ дэ Агірэ (каля 1518–1561) – іспанскі канкістадор, які падчас паўднёва-амерыканскай экспедыцыі ў пошуках легендарнага гораду Амагуас – варыяцыя на тэму Эльдарада – паўстаў супраць іспанскай кароны. Дасягнуўшы Атлантычнага акіяна, Агірэ выступіў супраць кіраўнікоў экспедыцыі і забіў іх. Прыхільнікі Агірэ абвясцілі яго ўладаром Перу. Паводле сведчанняў сучаснікаў, Агірэ адзначаўся надзвычайнай жорсткасцю: на сваім шляху ён чыніў крывавае забойствы не толькі мужчын, але і старых, святароў, жанчын і дзяцей. У іспанскай традыцыі імя Агірэ стала сінонімам вераломства і жорсткасці.

Маркус Герц (1747–1803) – нямецкі філосаф, паслядоўнік Канта, лекар, разам з жонкай Генрыетай Юліяй Герц (1764–1847) – пісьменніцай эпохі ранняга рамантызму, заснаваў знакамiты берлінскі літаратурны салон, дзе было ўзгадавана мноства палітыкаў, навукоўцаў, літаратараў і філосафаў.

Звяз дабрадзейства (Tugendbund) – патрыятычнае таварыства ў г. Кёнігсберг, што праіснавала амаль два гады, з красавіка 1808 г. па студзень 1810 г. Мэтай таварыства былі адраджэнне патрыятычнага духу нацыі пасля паразы ад войска Напалеона, выхаванне юнага пакалення, рэарганізацыя войска і адданасць кіруючай дынастыі. Таварыства таксама мела таемную мэту – аднавіць статус Прусіі, страчаны ў выніку перамог Напалеона.

Жульен Афрэ дэ Ламетры (1709–1751) – французскі ўрач і філосаф-матэрыяліст, які спачатку быў багасловам, а потым займаўся медыцынай у Лейдэне пад кіраўніцтвам Бургава. Аўтар некалькіх філасофскіх сачыненняў, якія выклікалі азлобленасць сярод духавенства і былі спаленыя паводле прысуду. "Чалавек-машина" ("L'homme machine") – трактат Ламетры, напісаны ў 1748 годзе, у якім аўтар разглядае чалавечы арганізм як машину, што самастойна заводзіцца, як гадзіннікавы механізм.

Фрыдрых Готліб Клопштак (1724–1803) – адзін з выдатных нямецкіх паэтаў, прадстаўнік сентыменталізму, рэфарматар паэтычнай мовы, паэт-наватар. Самы значны твор Клопштока – эпас "Месіяда" ў дваццаці спевах, які выйшаў у 1773 годзе.

Карл Людвіг Вільдэнаў (1765–1812) – нямецкі батанік, які лічыцца адным з выбітных сістэматыкаў свайго часу. Вільдэнаў паклаў аснову фларыстычнаму, экалагічнаму і гістарычнаму кірункам у геаграфіі раслін, быў дырэктарам Берлінскага батанічнага сада, прафесарам Берлінскага ўніверсітэта з 1810 года.

Абраам Готхельф Кэстнер (1719–1800) – нямецкі матэматык і аўтар эпіграм, прафесар матэматыкі і фізікі ў Гётtingене. Асноўнымі працамі вучонага з'яўляюцца "Пачатковыя асновы матэматыкі" ("Die mathematischen Anfangsgründe", 1768–1769) і "Гісторыя матэматыкі" ("Geschichte der Mathematik", 1796–1800).

Эберхард Аўгуст Вільгельм фон Цымерман (1743–1815) – нямецкі географ, біёлаг і філосаф. Найбольш вядомай працай Цымермана з'яўляецца натурознаўчы трактат "Геаграфічная гісторыя чалавек і распаўсюджаных чатырохногіх жывёл" ("Geographische Geschichte des Menschen und der allgemein verbreiteten vierfüßigen Tieren", 1778–1783). Цымерман з'яўляўся чальцом-карэспандэнтам Акадэміі навук у Гётtingене, Баварскай акадэміі навук і многіх іншых.

Жан-Франсуа Пілатр дэ Разье (1754–1785) – французскі хімік, адзін з піянераў авіяцыі. Першым асмеліўся ўзняцца на паветраным шары. Палкі прыхільнік эксперыментаў братоў Мангальф'е, некалькі разоў пералётаў на паветраным шары на значныя адлегласці, загінуў падчас пералёту праз Ла-Мани.

Ёган Геарг Адам Форстэр (1754–1794) – асветнік, публіцыст, пісьменнік, падарожнік, навуковец-прыродазнавец, этнограф, грамадска-палітычны дзеяч, адзін з правадыроў Майніскай рэспублікі, удзельнік другога кругасветнага плавання Джэймса Кука, прафесар прыродазнаўчых навук універсітэта ў Касэлі і ў Галоўнай віленскай школе.

Абраам Готлаб Вернер (1750–1817) – нямецкі геолог і мінеролаг, які з 1717 года ўзначальваў кафедру мінералогіі Фрайбергскай горнай школы. Вернер распрацаваў класіфікацыю горных парод і мінералаў, заснаваную на вонкавых прыкметах з улікам хімічнага складу, узначаліў кірунак у геалогіі – нептунізм.

Луіджы Гальвані (1737–1798) – італьянскі ўрач, анатам, фізіёлаг і фізік, адзін з заснавальнікаў электрафізіялогіі і вучэння аб электрычнасці, заснавальнік эксперыментальнай электрафізіялогіі. Першым даследаваў электрычныя з'явы пры цягліцавым скарачэнні («жывёльная электрычнасць»). Выявіў з'яўленне рознасці патэнцыялаў пры кантакце розных відаў металу і электраліту.

Андрэс Мануэль дэль Рыо (1764–1849) – іспанскі мінеролаг і хімік. Навучаўся ў Фрайбергскай горнай школе, сябраваў з Аляксандрам фон Гумбальтам. У 1801 годзе адкрыў хімічны элемент ванады.

Крыстаф Марцін Віланд (1733–1813) – найбуйнейшы паэт і ідэолаг нямецкага ракако, выдавец першага ў Германіі часопіса літаратуры і мастацтва "Германскі Меркуры". Найбольш значнымі творамі Віланда лічацца "Аб прыродзе рэчаў" ("Von Natur der Dinge", 1752), драма "Клеменціна" ("Clementina von Porretta", 1760), вершаваная эпапея "Аберон" ("Oberon", 1780).

Ёган Готфрыд Гердэр (1744–1803) – нямецкі паэт, літаратурны крытык, багаслоў, філосаф, эстэтык і гісторык культуры. Асноўныя працы Гердэра: "Пра паходжанне мовы" ("Abhandlung über den Ursprung der Sprache", 1772), "Ідэі да філасофіі гісторыі чалавецтва" ("Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit", 1784–1791).

Фрэдэрык Агастэс Хэрві, лорд Брыстоль (1730–1803) – брытанскі біскуп, прыхільнік мастацтва і вядомы ў свае часы авантурыст. Пераследуючы ідэі Асветніцтва, пабудаваў у сваім радавым маёнтку велічны будынкі Даўнхіл Хаус і Масандэн Тэмпл, падарожнічаў па ўсёй Еўропе і збіраў прадметы мастацтва. Выступаў супраць феадальнай сістэмы, актыўна падтрымліваў Ірландскі вызваленчы рух. Быў арыштаваны брытанскім урадам, пасля чаго лорд Брыстоль больш не ўмешваўся ў брытанскую палітыку, а з большага жывіў у кантынентальнай Еўропе. У 1798 годзе быў арыштаваны і запратораны французскімі ўладамі ў падазрэнні ў шпіянажы, за кратамі ён правёў адзінаццаць месяцаў.

Луі Антуан, граф дэ Бугенвіль (1729–1811) – французскі мараплавец, кіраўнік першай французскай кругасветнай экспедыцыі (1766–1769), камандаваў эскадрай у вайне Злучаных штатаў за незалежнасць, галоўнакамандуючы французскімі экспедыцыйнымі сухапутнымі войскамі, сябра Парыжскай Акадэміі навук. У 1800-х гадах Напалеон ганаруе яму тытул сенатара, званне Вялікага афіцэра Ганаровага легіёна і тытул графа Імперыі.

Нікаля-Тама Бадэн (1754–1803) – французскі падарожнік, мараплавец, даследчык Аўстраліі, удзельнік французскай экспедыцыі да берагоў Аўстраліі (1800–1804).

Марыяна дэ Уркіа і Муга (1769–1817) – прадстаўнік іспанскага Асветніцтва, які вызначыўся сваім перакладам на іспанскую мову трагедыі Вальтэра "Смерць Цэзара" ("La mort de César", 1791), да якога ён напісаў непажаданую для царквы прадмову "Дыскусія пра стан нашага тэатру і неабходнасць яго рэформы", за што трапіў у няміласць царкоўных уладаў. У часы праўлення караля Карла IV Уркіа пэўны час займаў пасаду міністра-прэзідэнта Іспаніі, а 1808 г. да 1813 г. быў старшынёй яе ўраду пад праўленнем Жазефа Банапарта.

Парацэльс (сапраўднае імя Філіп Аўрэл Тэафраст Бамбаст фон Гогенгайм, 1493–1541) – славуты швейцарскі алхімік, лекар, філосаф, натурознавец эпохі Адраджэння, адзін з заснавальнікаў ятрахіміі. Парацэльс крытычна ставіўся да ідэй старажытнай медыцыны, паспрыяў укараненню выкарыстання хімічных прэпаратаў у медыцыне, лічыцца адным з заснавальнікаў сучаснай навукі, прызнаны вялікім акультыстам Сярэднявечча і мудрэйшым лекарам свайго часу.

ВОДГУК НА МАСТАЦКІ ТВОР

"Водгук на мастацкі твор" – адзін з найбольш складаных конкурсаў Рэспубліканскай алімпіяды школьнікаў па беларускай мове і літаратуры. Асноўнай задачай водгуку з'яўляецца інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту, асэнсаванне, разуменне яго зместу і адметнасцяў мастацкай формы і вобразна-выяўленчых сродкаў. У водгуку вучань павінен выявіць адносіны да прачытанага, даць ўласную ацэнку, праявіць сваю начытанасць і дасведчанасць у пытаннях літаратуразнаўчага аналізу, спецыфікі творчасці беларускіх пісьменнікаў, агульналітаратурным кантэксте. Акрамя гэтага ад аўтара водгуку патрабуецца выявіць і свае ўласныя мастацкія здольнасці праз стварэнне цікавай адметнай формы, яскравага арыгінальнага аповеду і пошуку нестандартнага падыходу да аналізу мастацкага твора. Мы друкуем водгукі вучняў г.Наваполацка, створаныя ў час падрыхтоўкі на розных этапах Рэспубліканскай алімпіяды 2016-2017 навучальнага года.

Наталля Апанасовіч

СЯРГЕЙ ГРАХОЎСКІ

Вячэрняя малітва

Да поўначы, уклечыўшы, хрышчуся,
У неба, у зорак і ў Бога малю
Даць волю і долю маёй Беларусі,
Вярнуць нашу мову, душу і зямлю.

Даўно мы знямелі, аглухлі, аслеплі,
Зайшоўся ад болю і голас, і зык,
Нас прыхадні гналі пад кулі і ў петлі
І вырвалі ў нашага Бога язык.

А Бог уваскрос, і жывы, і нязводны,
Распята не раз без адходнай імшы,
У памяці нашай, у долі народнай,
У кожнай жывой акрыялай душы.

Зацятая прыхадні енку не чуюць,
Бо ведаюць толькі: «крышы» і «карай»!
Пагардай і лютай знявагай лінчуюць
І мараць пра «Северо-Западный край».

Яго нашы продкі і мы паспыталі,
Але не здаліся пякельнай бядзе:
Прарока нам Бог дараваў на Купалле,
Каб ён запытаўся: «А хто там ідзе?!»

О, Божа магутны, малю і малюся:
Спрадвечныя нашы пакуты згадай,
Хоць ты заступіся за лёс Беларусі
І згінуць не дай.

Грахоўскі С. Выбраныя творы. Уклад., камент. Т.Грахоўскай, К. Цвіркі; прадм. Л. Савік. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – С. 75.

ЭЛЬВІРА МУРЗІЧ, 9 КЛАС

ВОДГУК НА ВЕРШ С. ГРАХОЎСКАГА "ВЯЧЭРНЯЯ МАЛІТВА"

Гісторыя паказвае, што ў нашай краіны былі як светлыя моманты, так і складаныя. Мы былі ў складзе Кіеўскай Русі, Рэчы Паспалітай, Расіі. Наша культура знаходзілася то на піку свайго развіцця, то ў заняпадзе. Наша мова часова была забаронена.

Тым не менш, беларусы заўсёды змагаліся за сваю незалежнасць. Творы многіх паэтаў і пісьменнікаў прысвечаны гэтай не самай лепшай старонцы нашага мінулага. Сярод такіх твораў – верш С. Грахоўскага "Вячэрняя малітва".

Гэты верш належыць да грамадзянскай лірыкі. Ён вельмі цесна звязаны з гісторыяй. У некаторых радках верша паўстаюць многія старонкі нашай трагічнай гісторыі, напрыклад: "І вырвалі ў нашага Бога язык". Гэты радок адлюстроўвае якраз той час, калі беларуская мова была забаронена. Шматлікія дзеясловы (паспыталі, не здаліся, заступіся) паказваюць дынаміку і сур'ёзнасць сітуацыі. Сярод мастацкіх тропіў можна назваць эпітэты (Бог жывы, нязводны; зацятая прыхадкі) і градацыі (знямелі, аглухлі, аслеплі; неба, зоркі, Бог). Паўторы аднародных членаў сказа (у памяці, у долі, у душы) і вялікая колькасць злучнікаў і прыназоўнікаў разам з мастацкімі сродкамі ўзмацняюць эфект твора. Такія словы, як "крышы", "карай", "лінчуюць" паказваюць усю складанасць і трагедычнасць нашай гісторыі. Слова "прыхадні", наогул, мае зневажальны характар, бо чалавек не можа паважліва ставіцца да таго, хто заваёўвае яго Радзіму. Таксама ў творы прысутнічае аплікацыя: узгадваецца Янка Купала і яго верш "А хто там ідзе?".

Узнікае пытанне наконт назвы верша: чаму ўсё ж такі "Вячэрняя малітва"? Напэўна, С. Грахоўскі хацеў сказаць, што вечар – гэта завяршэнне дня. Варта правесці паралелі з тым часам, які апісвае аўтар – завяршэнне ("вечар") беларускай культуры. Малітва – гэта надзея на наступны дзень, спадзяванне на ўзнікненне светлага "заўтра" для нашай гісторыі і перагортвання яе лепшых старонак.

Хочацца верыць: якія б ні былі моманты ў нашай гісторыі, беларуская нацыя з яе духоўнымі і культурнымі набыткамі жыла, жыве і будзе жыць, бо, па словах У. Караткевіча: “На беларусі Бог жыве, – і няхай да веку жыве!”

КАСТУСЬ КІРЭЕНКА

Природа

Ці ў ясны дзень, ці непагодным днём,
Ці ў час, калі вясна наўсцяж спявае,
Ці той парою, калі зноў агнём,
Агнём барвістым восень зашугае;
Ці летняй спёкай дыхае блакіт;
Ці ў верасах іскрыцца павуціна;
Ці зелянее руні аксаміт;
Ці жораў крык нясе, як сіраціна,
Закінуты ў нябёсах паміж хмар;
Ці звоняць росы ранку пад нагамі;
Ці ззяе з вышыні маяк-стажар
Над любымі рачнымі берагамі, —
Заўжды, заўжды,
усюды, ў кожны міг,
З жыццём усім,
з якім навечна ў згодзе,
Ад самых шчырых роздумаў сваіх
Мне пакланіцца хочацца прыродзе!
О мройны лес! О вольныя палі!
О шыр лугоў — і ў забыцці і ў спевах!
О далягляды роднае зямлі!
О ты, радзімка на знаёмым дрэве;
Ты, кветка,
што расінкай ледзяной,
Калісь мяне ўзбудзіла ля акапа;
Ты, пах чабора,
што прайшоў са мной
Ад Сожа да падсонечных Радонаў;
Вы, ручаіны, са слязоў вады
То ціхаплыннай, то сыпуча-звонкай;
Вы, сцэжкі, дзе прастор мой малады,
Прытулак мар і радасцяў скарбонка, —
Без вас я не магу пражыць,
у вас
Навечна закаханы ўсёй душою.
А ў любасці прызнацца —
кожны раз
Баюся... Не, не хлусам, не ханжою,
Не сябялюбам жыў я! — гэткі друг
Няхай праносяць прагныя да славы,
У іх заўжды
з тым друзьям ёсць хаўрус...

А я баюся, што дубам і травам,
Праменням залатым і хвалям рэк,
Разлогам палявым і зорам сінім
Я не змагу, звычайны чалавек,
Сказаць усё, што я сказаць павінен;
Баюся словам лішнім, неўпапад,
Парушыць
дарагое сугалоссе
Крынічных звонаў і лясных рулад,
Дыхання зор і шэпату калосся;
Крыўдней за ўсё –
прызнанне не ў пару,
Яно –
бы сумны ветразь непадняты.
А мне як скрыўдзіць вас, дык лепш памру
Мае вы нівы, пушчы й перакаты...
Але маўчаць усё ж я не магу.
Як сыдуцца ўспаміны ўсе і мары,
Дык просяць –
іх уцехі і тугу
Каб вам прынёс я, родныя абшары
Зямлі маёй, адзінай назаўжды!
І я нясу табе, прырода-маці,
Паклон мой за пражытыя гады –
За сонечны жывы прамень ў хаце,
За цішыню вясёлак веснавых,
За летуценні шчасныя над імі,
За незабыўны міг, спаткання міг
З дзявочымі вачамі дарагімі,
За сум і мужнасць, за красу і боль,
Што ў шчодрасці
жыццё падрыхтавала,
Жыццё, што так ахоўвала сабой
Мяне на самых грозных перавалах!
Час прыйдзе –
сівер згоніць па імху
Апошнія лісцё. Мінецца лета.
І зажурыся я тады крыху....
Але паклон табе, зямля, й за гэта,
Паклон за ўсё, што мне дарыла ты
І што падорыш для майго прызнання.
За тое, што, як светач залаты,
Не гаснуць зоры
вернага кахання!

К.Кірэенка. Збор твораў: у 3-х тамах. Т.1. Вершы, паэмы 1939-1962гг., Мн. Мастліт. 1986, С. 373–375

АНТАНИНА ЕМЕЛЬЯНЧЫК, 11 КЛАС

ВОДГУК НА ВЕРШ К. КІРЭЕНКІ “ПРЫРОДА”

Халодныя скалістыя горы, што ўзняліся на вышыню самога неба, хаваюць вяршыні ў беласнежных аблоках. Бязмежнае мора ловіць у свае абдымкі зоры, зліваецца з небасхілам, пераўтвараючыся ў працяг бясконцага неба. Широкая пустэля зачароўвае багаццем чырвона-мядзяных колераў і вытанчанасцю малюнкаў, створаных ветрам. Усе гэтыя карціны ўражваюць сваёй веліччу і недасягальнасцю, захопліваюць уяўленне чалавека. Але для гэтага ж чалавека будзе найвялікшай радасцю пабачыць свае родныя невысокія пагоркі, залітыя праменнем сонца, жытнёвае поле, якое грэе сваім золатам цёмныя навалічныя хмары, ціхаплынную рачулку, што хаваецца ў гушчары лесу. Які б малюнак не стварыла прырода, ён будзе прывабным для сэрца чалавека. Магчыма, таму, што чалавек сам з’яўляецца творам мастацтва прыроды? Але ў адрозненні ад іншых яе стварэнняў, чалавек быў шчодро адораны мовай. Мова з’явілася тым сродкам, які дазваляў перадаваць свае ўражанні, думкі, пачуцці, выносіць іх з глыбіні душы на паверхню. Але ж нездарма кажуць, што залішнія і неасцярожныя словы могуць забіць любоў...

У сваім вершы Кастусь Кірэенка выказвае сваю ўдзячнасць прыродзе, якая суправаджала яго праз жыццёвы шлях. Але разам з тым ён баіцца “словам лішнім, неўпапад” парушыць прыгажосць, што яго акаляе. У гэтым і праяўляецца сутнасць твора: каб выразіць сваю любоў, чалавеку варта асцярожна ўзважваць словы, бо, магчыма, месца для сапраўднай удзячнасці знойдзецца толькі ў сэрцы.

Гэты верш – шчырае прызнанне, зварот да прыроды, які з самага пачатку ўзмацняецца градацый (‘‘заўжды”, ‘‘у кожны міг”, ‘‘з жыццём усім”, ‘‘навечна’’). Эмацыйнасць гэтым словам надаюць клічныя сказы, якія могуць перадаць жаданне лірычнага героя (які, на маю думку, і ўвасабляе асобу аўтара) хоча быць пачутым. Ён бачыць перад сабой прыроду, ён яе чуе, адчувае. Яна для лірычнага героя з’яўляецца жывой, узвышанай істотай, на дадзены момант больш рэальнай, чым што-небудзь іншае. Магчыма, менавіта таму ён звяртаецца да яе з дапамогай апастрофы. Анафара ж падкрэслівае тое, што звяртаецца ён асобна да кожнай расліны, да кожнай кроплі, да кожнага промня. Жыццё, паэзію ў прыродзе ўбачыў і Казімір Камейша. Мне ўзгадваюцца яго радкі з кнігі ‘‘Паміж кубкам і вуснамі’’: ‘‘Расце галінка і кожны год піша сваю зялёную паэму... Там кожная галінка – страфа, кожны дубчык і лісцік на галінцы – літара ці вобраз’’.

Прырода крочыла побач з Кастусём Кірэенкам праз усё жыццё, магчыма, менавіта таму ў вершы складаны сказ пасля клічных уяўляе сабой такі ж адзін доўгі ўспамін. З дапамогай метафары ажыўляецца кветка, якая ўзрушыла пісьменніка ля акова падчас вайны, калі той працаваў карэспандэнтам баявога аддзела армейскай газеты. Тая самая вайна прывяла яго аж на Балканы. Нават ў далечыні ад роднага Сожа над ім было тое неба, тое ж сонца, а пах чабору нагадваў яму пра радзіму. Сінестэзія (‘‘сыпуча-звонкая вада’’) зноў-такі падкрэслівае, што пісьменнік не толькі бачыць прыроду, але і адчувае яе. Ён узгадвае свае маладыя гады, свае радасці і мары, а з імі – сцежкі і ручаіны.

Пасля ўспаміну пісьменнік збянтэжана спыняецца. Пераносы як бы запавольваюць верш, разважанні распускаюцца ў недаказах. Ці можа слова перадаць менавіта тое шчырае пачуццё, што жыве ў душы аўтара? І зноў, і зноў, з яшчэ больш ярскымі эпітэтамі ўзгадваецца характэрнае прыроды: ‘‘залатыя праменні’’, ‘‘сінія зоры’’. Напрыканцы гэтае характэрнае пераўтвараецца ў музыку (‘‘крынічны звон’’, ‘‘лясныя рулады’’, ‘‘шэпат калосся’’), у тую самую музыку, што гучала ў ‘‘Маёвай песні’’ Багдановіча... Адказ – не. Звычайны чалавек не можа ‘‘сказаць усё, што сказаць павінен’’, не парушыўшы гармонію гэтай музыкі. І яму застаецца толькі прымаць прыгажосць, што нам даравана, радавацца ёй, быць удзячным, – варта толькі расплюшчыць вочы.

Уважаемые читатели! Если вы хотите, чтобы ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков или присылайте файлы на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru.

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объёма, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если ваше произведение прошло конкурс, однако вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Багарадава Т.

<i>Я сказала б Скарыне стагоддзяў праз пяць</i>	3
<i>Я люблю гэты горад, бо ў ім жывеш ты</i>	3
<i>Там, дзе анёл ўзмахвае крылом</i>	3
<i>Я адчыніла дзверы храма</i>	3

Шыпіла Н.

<i>Другі раманс Маргарыты</i>	4
<i>Ты той самы, пакуль з маркотай</i>	4
<i>Такое са мной вычварэнства</i>	4
<i>Абдыме мяне восень крыламі пажухлай лісты</i>	4

Шыпіла У.

<i>Над сэрцам краіны</i>	5
<i>Першакветка</i>	5
<i>Дзвінскія рубяжы</i>	5
<i>Ластаўка</i>	5
<i>Шыфроўкі вясны</i>	6
<i>Душа не ірвецца ў вырай</i>	6
<i>У горане студзенскіх павеваў</i>	6
<i>Кантраданс</i>	6
<i>Тэрмінал твайго пачуцця – спасылка на сэрца</i>	7
<i>Сакавіцкі верш</i>	7
<i>Лістапад страчае снежань</i>	7
<i>Anna-Maria</i>	7

Лутава Г.

<i>На плячы плячачок</i>	8
<i>Бяры за нуль няшчырыя памкненні</i>	8
<i>А памятаеш лязо вачэй?</i>	8
<i>Пускаеш думкі на свабоду</i>	9
<i>Лютаўская вясна</i>	9
<i>Буду размаўляць з табой вершамі</i>	9
<i>Символ паняття "грех"</i>	10
<i>В сорок пятом году мы с тобою состаримся</i>	10
<i>Пропадай осторожно, невнятно</i>	10
<i>Закатное рыжее солнце августа</i>	10
<i>Сонный город встретит молчаньем</i>	11
<i>Ничего необычного</i>	11
<i>Передоз затянувшейся комы</i>	11
<i>Ты муза</i>	11

Понизник В.

<i>Есть кофе, он черный</i>	12
<i>Девушка</i>	12
<i>Не пиши про море, которое будоражит</i>	12
<i>Выдавливая слова</i>	12

Конон И.

<i>Человек с проспекта</i>	13
<i>Человек на канате</i>	13
<i>Поэт не должен быть счастливым</i>	14
<i>Два короля</i>	14
<i>Когда не хватает времени</i>	15
<i>Необычные встречи с мечтой</i>	15
<i>Мой дом остыл</i>	16
<i>Недосказанные фразы</i>	16
<i>Седая прядь</i>	17
<i>Усталые ивы над бугом</i>	17

Марчик А. <i>Адгезия чувств</i>	18
Зенько Я. <i>Война</i>	19
Нуждина А.	
<i>Жизненное правило</i>	20
<i>Наша встреча</i>	20

НАШИМ УЧИТЕЛЯМ

Гугнин А., Гочаков С. <i>Из переписки профессора с аспирантом по поводу научной статьи</i>	21
Гочаков С., Мозго А. <i>Праздничный отчёт аспирантов</i>	22

ПРОЗА

Понизник В. <i>Натура</i>	24
Борисенко Н. <i>Vae victis</i>	24
Якимова Н. <i>Между небом и землёй, аккурат – в провинции</i>	25
Богданова Н. <i>Мой ласковый и нежный Страх</i>	26
Камилова Ю. <i>Зов победы</i>	32

ПЕРЕВОДЫ

Кельман Д. <i>«Мора» (Пераклад з нямецкай мовы С. Матыркі)</i>	36
---	----

ВОДГУК НА МАСТАЦКІ ТВОР

Мурзіч Э. <i>Водгук на верш С. Грахоўскага “Вячэрняя малітва”</i>	47
Емельянчык А. <i>Водгук на верш К. Кірэенкі “Прырода”</i>	49

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 7

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*

Компьютерная верстка *А.И. Мозго*

Дизайн обложки *М. Кряжева*

Подписано в печать 30.12.2016. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 6,24. Тираж 60 экз. Заказ 897.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.